

всепи́рная исто́рия в рома́нах

Анатолий Ильяхов

ЗНАК ЗЕВСА

Всемирная история в романах

Анатолий Ильяхов

Знак Зевса

«ВЕЧЕ»

2014

Ильяхов А. Г.

Знак Зевса / А. Г. Ильяхов — «ВЕЧЕ», 2014 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8182-6

IV век до н. э. Македонский царь Филипп, умелый полководец и дальновидный политик, сватается к эпирской царевне Миртале. Царю нужен наследник царской крови, однако, несмотря на отсутствие видимых препятствий к браку, дело затягивается. Эпирский царь Арриба, дядя невесты, нервничает. Кажется, что брак вообще не состоится, однако великий бог Зевс уже принял решение и выражает свою волю через знамения. После свадьбы у Мирталы рождается сын Александр, которого Филипп объявит своим, но ребёнка ждёт поистине великое будущее, так что многие призадумаются, кто же родился у супруги Филиппа – человек или полубог, сын самого Зевса...

ISBN 978-5-4484-8182-6

© Ильяхов А. Г., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Об авторе	5
Глава 1. Гонец из Македонии	7
Эпир (358 г. до н. э.)	7
Царь Арриба	8
Ночной визит	10
Советник Каллипп	12
Послание Филиппа	13
Глава 2. Миртала	18
Пробуждение	18
Память детства	22
Остров Самофракий	24
Страдания по Дионису	26
Взятие на лоно	29
Явление Вакха	32
Прощание с Эпиром	35
Глава 3. Потомок Геракла	38
У стен Амфиполя	38
Советник Хабрий	42
Пир победителей	44
Лев в засаде	49
Ночная беседа	51
Глава 4. От Македона до Филиппа	55
Карта Ойкумены	55
Гераклиды в Македонии	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анатолий Гаврилович Ильяхов

Знак Зевса

Роман

Об авторе

Анатолий Гаврилович Ильяхов, автор двух десятков научно-популярных и художественных произведений, родился в 1941 году в Сочи, в настоящее время живёт в Краснодаре.

До того, как получить признание в качестве популяризатора Античности, писатель, по его собственным словам, прожил «большую и интересную жизнь инженера-строителя». Успешный карьерный рост от мастера участка до руководителя крупного производственного объединения сам по себе говорит о многом. Так же как и ответственная работа по контракту в Монголии и Афганистане в сложные для СССР годы.

В юности, общаясь со сверстниками из греческой диаспоры в Сочи, Анатолий Ильяхов услышал, что их предки – переселенцы из Греции. Возникший после этого интерес к греческой истории побудил познакомиться с трудами Геродота, Страбона, других историков. Так будущий писатель узнал, что греки ещё в VIII веке до н. э. «открыли» Чёрное море для торговли с местными племенами, массово организовывали поселения-колонии. Греческие полисы появились на побережье современного Крыма и Северного Причерноморья, в том числе города-государства Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский, сосуществуя со скифами, таврами и прочими аборигенами Киммерийского полуострова.

В школьные годы Анатолий Ильяхов услышал имя Александра Македонского, воодушевился его полководческими подвигами и решил, что обязательно напишет о нём роман. Юно-

шеская задумка стать писателем осуществилась через сорок лет, когда автор вышел на пенсию, ведь именно тогда появилась возможность перечитать собранные за всю жизнь в домашней библиотеке книги по античной тематике, переосмыслить собственные «литературные зарисовки», что велись все годы. В итоге помимо прочих трудов Ильяхов создал целых три романа о жизни Александра Македонского, каждый из которых отличается уверенной энциклопедичностью и захватывающей исторической фактологией. Даже подготовленный читатель обнаруживает в них немало любопытных сведений.

Античный мир канул в прошлое и, казалось бы, навсегда отделился от современного бытия, но для писателя Анатолия Ильяхова древние греки, эллины, остаются живыми людьми со своими особыми страстями. Эти люди были способны на крайнюю жестокость и на удивительные прекрасные свершения, отчего их поступки и достижения, как и ошибки, преподают нам бесценный урок. По мнению автора, греческий историк Фукидид верно сказал, что «все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той же».

Дополнительные сведения о писателе А. Г. Ильяхове можно найти на сайте ilyahov.ru

Изданные книги автора:

Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. 2006.

Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад. 2006.

Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия. 2007.

Эросу посвящённые. Античные любовные истории. 2007.

Афине посвящённые. Античная мудрость. 2007.

Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления. 2009.

Античные корни в русском языке. Этимологический словарь. 2010.

Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое. 2012.

Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 (2012).

Знак Зевса – роман. 2013.

Уроки Аристотеля – роман. 2014.

Наедине с мудростью. Древняя Греция. 2015.

Закон и право. Словарь правоведа. 2015.

Человек и природа. Словарь эколога. 2015.

Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь. 2016.

Наука и производство. Политехнический словарь. 2016.

Медицина. Историко-этимологический словарь. 2016.

Избранник Вечности – роман. 2016.

Философия разума. Словарь эрудита. 2017.

Античность в русском языке. Этимологический словарь. 2017.

Три чаши Диониса. Античный код современного виноделия. 2018.

Глава 1. Гонец из Македонии

Эпир (358 г. до н. э.)

Летняя ночь сошла на Эпир. Солнечный бог Аполлон увёл с небосвода уставших за день золотоволосых коней; город замер в ожидании Гекаты, Хозяйки Чёрного Света. Простому смертному богиню увидеть нельзя, но можно познать её силу через страх перед крошечной тьмой. Кажется, совсем недавно на небесных пастбищах бродили отары облаков, как вдруг они исчезли, уступив место мраку...

Небо продолжало оставаться темным, пока на нём не высветились блески, которые, будто влюбленные светлячки, перемигивались холодным мерцанием. Это в жилищах обитателей Олимпа зажглись золотые *лампадарии*, ночные светильники; в их мерцающих отсветах боги устраивались на ложа в предвкушении пира с полными чашами нектара и амбросии, дающих бессмертие и вечную молодость.

Наступление ночи заставило жителей Эпира отложить незаконченные дела. С улиц исчезли прохожие. На город быстро сошла тишина, прерываемая звучными руладами цикад, скрывающихся в священных кипарисовых рощах.

У городских ворот несли охрану трое молодых воинов – *пельтастов* (от пельты – небольшого деревянного щита полукруглой формы, обтянутого кожей) во главе с *пилартом*, «запирающим ворота», боевым командиром, о чём свидетельствовал шрам на суровом бородатом лице. У воинов короткие копья и обоюдоострые бронзовые мечи в кожаных чехлах, перекинутых через правое плечо, более похожие на большие ножи, удобные для ближнего боя.

За полночь в глубокой тишине издали послышался лёгкий перестук копыт. Дозорный у ворот, самый чуткий, вытянул шею, словно встревоженный гусак, в ту сторону. Когда звуки проявились явственнее, воин слегка толкнул плечом задремавшего от безделья пиларта. Тот настороженно прислушался, удивляясь – эпириане знают время, когда запираются ворота, не рискнут задерживаться вне города. Это может быть только припозднившийся в дороге чужеземец...

Стук копыт стал настойчивей, громче, и вскоре с той стороны послышались возгласы; в нетерпении били копьём так, что дубовые плахи отозвались глухим стоном.

– Кого демоны несут в позднюю пору? – проворчал пиларт. Грозно откашлявшись, стараясь придать осиплому горлу необходимую силу, прокричал в небольшую прорезь: – Кто?

– Гонец из Македонии от царя Филиппа к царю Аррибе! – донесся сильный, уверенный голос.

Убедившись, что опасаться нечего – всадников двое, по команде пиларта стражники с натугой отодвинули огромное дубовое бревно, служащее надёжным засовом. В свете факелов воротная створка нехотя приоткрылась. Появился молодой человек, судя по золочёным латам и шлему, знатный воин. За ним на коротком поводу следовал конь, роняющий клочки пены; он устало кивал головой. Пиларт заметил, что конь породистый, по всем статьям очень дорогой. Вслед первому воину показался другой – по одежде, оруженосец, потому что на плече он нёс копье и бронзовый *гипасп* – щит полукруглой формы. На голове примятая *кавсия* – широкополая крестьянская шляпа; к тому же в отличие от первого всадника, обутого в *котурны* – сапоги из плетённых до колен кожаных ремней, на ногах у второго были грубые прочные ботинки-*крепиды*. Оруженосец вёл за собой низкорослого с густой чёрной гривой коня, нагруженного дорожной поклажей.

Царь Арриба

Царь Эпира Арриба лежал в супружеской постели, погружённый в невесёлые размышления. Ему пятьдесят лет – возраст, когда пора оглянуться на прожитые годы. Не так давно он женился на двадцатилетней Троаде, дочери старшего брата, Неоптолема. С супружескими обязанностями пока справляется, но чувствует, как теряет остатки **акмэ** – бодрого состояния мужчины в расцвете физических и духовных сил. Если послушать придворного врача, причина – пристрастие к вину и обильной пище...

Молодая супруга сейчас беззаботно смотрит незамысловатые сны, тихонечко сопит под боком, а он, смежив усталые веки, никак не отвлечётся от дневных забот. Завтра он собирает ближайших советников, чтобы послушать и решить, кого следует опасаться Эпиру в ближайшее время. Повсюду в Греции неспокойно: эллины конфликтуют между собой по любому поводу, убивают друг друга – из-за клочка пахотной земли, морской гавани или горных недр, объединяются в союзы, чтобы навязать волю тем, кто проиграет войну. Нет, в такой ситуации Эпиру не отсидеться в стороне...

Сейчас Эпир слаб, эпиряне с трудом противостоят враждебным иллирийским племенам, протоптавшим дорогу на земли эпирские. И фракийцы, как голодные волки, в любой момент готовы напасть на царство, пограбить и пожечь селения. Афины обещали Фракии поддержку деньгами и войском взамен уступки им земли для устройства афинских поселений. Вот и разберись теперь, кто Эпиру друг, а кто – враг!

С досады Арриба резко повернулся на постели, потревожив супругу. Троада произнесла что-то недовольным голосом и вновь затихла. Он постарался успокоиться, время шло, но сон всё не приходил. В голову лезли мысли, одна мрачней другой:

...Спарта, Афины, Фивы – каждый город претендует на *гегемонию* в Греции, но Эпиру нужно выбрать, с кем удобнее будет ему, безопаснее?

...Персы могут вновь объявиться на греческой земле. Они не могут простить грекам своё поражение при Марафоне и Саламине, не успокоятся! Эпир окажется на пути персидской армии, и тогда Аррибе придётся выбирать – идти ему с персами на единоверцев, эллинов по крови, или воевать против персов вместе с Грецией. Нужно подумать – персидские цари всегда щедро платили за измену...

...Нет, у персов сейчас большие проблемы с престолонаследием. Скорее всего, война случится между Афинами и Македонией. Но если победа будет за афинянами, что выиграет Эпир? Или проиграет? Да, проиграет, потому что Фракия при поддержке Афин обязательно устремится на эпирскую территорию. Тогда Эпиру выгоден союз с Македонией...

Определившись, Арриба немного успокоился и попытался оказаться в спасительных объятиях Гипноса. Он решительно прижался к привлекательному изгибу спины безмятежно спящей Троады; подsunул руку ей под грудь, другой начал гладить упругую плоть живота, призывая в помощь Эроса. Троада во сне отозвалась, шевельнулась телом. И тут Арриба некстати припомнил Мирталу, младшую сестру Троады, свою племянницу. Он отвлёкся на неё и снова расстроился – разве сравнить Троаду с Мирталой? Кроткую овечку со зловредной лисицей? Миртала совсем не похожа на покорную обитательницу *гинекея* – женской половины семейного дома. В глазах у неё всегда угольки тлеют – характер вздорный, непредсказуемый. Скрытная, мстительная, обиды не прощает. Лучше отдалить её от дворца, куда-нибудь в горное селение – и пусть там тешит гордыню свою, пока женихи не объявятся. А там – прощай, Миртала...

Мысли о дерзкой племяннице окончательно расстроили Аррибу. Он вспомнил своего брата Неоптолема. Эпиряне хвалят его до сих пор, при нём Эпир процветал. Ещё он был отменным грубияном, пьяницей – об этом все знали. Арриба был младше Неоптолема, немало унижений натерпелся от него, и никогда не стал бы царём, да случай помог. Ушел Неоптолем с вой-

ском на иллирийцев, и в первом сражении сложил голову. Совет старейшин назначил Аррибу опекуном малолетнего сына царя, наследника престола Александра, заодно и его сестер – Троады и Мирталы, они были старше Александра. Арриба недолго таил желание видеть себя первым человеком в царстве. Заручившись поддержкой жрецов, влиятельных эпирских князей и военачальников, он женился на Троаде. Вскоре она родила сына, которого Арриба назвал Эакидом – «Происходящим от Эака», поскольку род молоссов, откуда были Неоптолем и Арриба, происходил от легендарного героя Троянской войны Ахилла, внука Эака. После рождения сына Арриба пренебрёг законными правами Александра на престол и объявил себя царем Эпира, а Эакиду – наследником. Троада, супруга Аррибы, не возражала против его действий, но Миртала затаилась...

Наконец, тяжкие мысли начали оставлять Аррибу. Ему показалось, будто он медленно погружается в ванну с теплой водой и лепестками роз... Где-то вдали приятно запела свирель... Веки склеивались, голова тяжелела – это Морфей, добрейший сын Гипноса, сжалился над царем, опустив над ним два чёрных крыла...

Ночной визит

В дверь супружеской спальни несмело постучали, будто мыши поскреблись. Тревожить царя глубокой ночью мог позволить только один человек – постельничий, да и то по самым безотлагательным делам. Арриба, недовольно кряхтя и сопя, встал, накинул легкий хитон. У двери спросил негромко:

– Кто? – Хотя был уверен, кто нарушитель его сна. Услышав знакомый голос, откинул металлическую щеколду – он всегда запирался на ночь.

В полутёмную комнату бесшумно проскользнул человек в короткой тунике – Завкр, надежный слуга, верный пёс. Склонив голову, он прошептал:

– Мой царь, прибыл гонец из Македонии. Утверждает, что с важным посланием от царя Филиппа.

Арриба приподнял густые брови, отчего лицо с крупным носом выразило нескрываемое изумление. Усмехнулся про себя: «Надо же, вспоминал македонян, а они уже здесь!» Вслух сказал:

– Проводи в зал приёма. Пусть ожидает.

* * *

Посланник Филиппа в сопровождении Завкра оказался в просторном зале, где царь обычно принимал чужестранные делегации. Гонец присел на *клисмос* – стул с изогнутыми ножками и высокой спинкой, – со вниманием огляделся. От двух настенных светильников-*лих-нионов*, которые, видимо, только что зажгли, пахло прогорклым маслом, и света было недостаточно. Углы зала тёмные, не проглядывались. Судя по воздуху, какой встречается в непроветриваемом помещении, здесь давно не было приёмов.

Мимо македонянина тенью проскользнул человек. Используя заострённый крючок на длинной палке, ловко снял с фитилей нагар. Стены, покрытые *алебастровой* штукатуркой, посветлели, обнаружив места с росписью сцен охоты на кабана и медведя. На торцовой стене виден старый дождевой подтёк от прохудившейся кровли. По внешнему виду зала и мебели ночной гость отметил, что эфирский царь к роскоши не стремится.

Дверь, через которую его проводили сюда, выглядела, судя по закоптелым дубовым доскам, очень древней; едва заметно проглядывала незатейливая резьба. Дверь, что напротив, выглядела парадно, за счёт инкрустации слоновой костью и золоченых медальонов. Видимо, она служила для выхода царя к послам. Часть «царской» стены занимала большая картина, изображавшая легендарный эпизод из жизни богов. Поверх каменных плит пола лежали два шерстяных ковра с *меандром* – дорогим для каждого эллина орнаментом из простых геометрических линий. Возможно, в летнюю пору ковры смотрелись не совсем уместно, а в зимнюю непогоду они приходились кстати. Арриба ценил домашний уют, и по этой причине ковры имелись почти в каждом дворцовом помещении, все больших размеров.

Продолжая осмотр, посланец царя Филиппа отметил вниманием старинное оружие, развешенное позади царского **трона**: три медных круглых щита, два копья и огромный лук со спущенной тетивой – священные реликвии царей Эпира. По углам на низких постаментах покоились большие вазы светлого мрамора. Они вносили приятное разнообразие в мрачную обстановку помещения.

Молодой человек начал скучать, как «царская» дверь открылась. Появился Арриба. Македонянин поднялся, с аристократическим достоинством кивнул головой, приветствуя царя. В Греции низкопоклонство не было принято.

Арриба прошёл к возвышению с креслом-**троносом**, удобно расположился и стал разглядывать посланника македонского царя. Тот оказался вызывающе молод, если судить по небольшой, хорошо ухоженной курчавой бородке; роста он был невысокого, голова опрятная с длинными вьющимися тёмными волосами. Бледное узкое лицо.

Царь внимательно посмотрел на грудной панцирь македонянина: из бронзы, с большой серебряной эмблемой – знаком родовитости; доспехи закреплены на плечах скобками, на животе широкий пояс с серебряной бахромой. Кожаные нарукавники, набедренники и наколенники плотно, упруго облегли руки и ноги. Шлем с позолотой и *фалерами* – накладными фигурными украшениями; для сбережения щёк от ударов с обеих сторон шлема имелись кожаные продолжения, обложенные чешуйками из металла. На груди ещё одна круглая фалера, большая, которую македонские цари обычно дают военачальникам за отличие в сражениях.

Посланец держался уверенно, обнаруживая знатное происхождение, что было и так понятно – Филипп не мог доверить личное послание человеку не из своего окружения. Наконец, царь Арриба спросил, сохраняя в голосе безразличный тон:

– С кем имею дело? И какая спешность у твоего дела для царя Эпира в столь поздний час?

– Моё имя Леоннат, я из Пеллы, рода древних македонских князей. – Гонец заговорил уверенно, словно зная цену своему визиту. – Мой царь поручил передать тебе, царь Арриба, личное письмо. Просил дать скорый ответ. Вот почему я осмелился потревожить твой покой и отправлюсь сразу, как дашь ответ царю Филиппу.

Арриба протянул руку. Леоннат извлёк из кожаной дорожной сумки круглую **тубу**, открыл крышку и достал папирус. Передал, сделав несколько шагов. Арриба снял со свёрнутого в трубку листа шерстяную нитку красного цвета с восковой печатью. Собираясь развернуть лист, сказал Леоннату:

– Тебя отведут в комнату для гостей. Тебе пришлют молодую служанку – смой дорожную пыль, поешь, выпей хорошего вина. Отдыхай, у тебя была трудная дорога. А я ознакомлюсь с посланием твоего царя. Будет надобность, дам ответ. Ступай.

Арриба вяло хлопнул в ладоши. словно тень из подземного мира, явился Завкр. Пригласил македонянина следовать.

Оставшись один, царь развернул послание. Обратил внимание, что папирусный лист был высокого качества, египетский, потому что цвета закатного солнца, плотный и пластичный, с гладкой поверхностью. Письмо написано *меланом* – особыми чернилами; заглавная буква выделена пурпурной краской, принятой у царей. Арриба поднес свиток к глазам. Показалось, что света было недостаточно. Громко хлопнул в ладоши. Появился слуга. Царь махнул рукой в сторону лампадария.

Двое слуг с заметным усилием внесли напольный канделябр, состоявший из высокой бронзовой стойки на четырёх ножках, изображавших мощные лапы льва; на золочёных цепях висели четыре глубокие чаши с оливковым маслом, которое подавалось из небольших емкостей произвольно, без участия человека. В зале сразу намного посветлело, будто сюда ненароком заглянули солнечные лучи.

Когда за слугами закрылась дверь, царь начал медленно читать, вслух – в Античности не знали, как можно читать «про себя». Осилив письмо, задумался. Хлопнул три раза в ладоши. Немедленно появившийся Завкр услышал:

– Зови Калиппа!

Советник Каллипп

Каллипп по годам своим был самым пожилым из придворных советников; возможно, поэтому царь доверял ему больше всех. Эти обстоятельства позволяли Каллиппу чаще других приближённых встречаться с Аррибой, давать советы, многие из которых принимались без возражений. Хотя у царя были ещё основания.

Во-первых, Каллипп – не эпирянин, а уроженец Аргоса, древнейшего города *пеласгов* на Пелопоннесе. Достаток отца, торговца пшеницей, позволил ему получить в юности хорошее образование. С домашними учителями он усвоил естественные и математические науки, философию, полюбил греческую литературу, поэзию. Но когда отец потребовал стать его компаньоном, сбежал. Подался в Афины, где вступил в наёмное войско, как многие молодые люди в Греции, отказавшиеся от семейных традиций. Физически сильный, крепкий здоровьем, Каллипп воевал за интересы своих нанимателей, благо заносчивые афиняне одновременно враждовали, чуть ли не со всей Грецией. Побывал в нескольких сражениях, где вёл себя храбро, но был ранен в ногу, после чего оставил надежды на военную карьеру. Но это печальное обстоятельство позволило ему осуществить давнишнюю мечту – путешествовать, чтобы увидеть мир людей, определить своё место в обществе. Он побывал в Египте, Вавилонии, Финикии, где в этих центрах древнейших знаний впитал в себя, как податливая морская губка, тайные и явные науки, которыми с подозрительной осторожностью делились с ним жрецы, маги и божественные провидцы. Каллиппа как бывшего воина не страшили расстояния и препятствия на пути, поэтому хождение по миру дало его пытливому уму необыкновенную возможность познать чужие языки, а через них древние культуры, своеобразные религиозные верования, оригинальные нравы и обычаи чужих народов, которых греки по своему убеждению называли язычниками, *варварами*.

Боги уберегли Каллиппа от многих злоключений, не позволили сгинуть на чужбине. Волей богов однажды он оказался в Эпире. Страна небогатая, вокруг нагромождение скал и ущелий, народ скрытный, недружелюбный. Но эпиряне имели всегреческое святилище в Додопах с оракулом Зевса и священным дубом. Это обстоятельство давало жителям Эпира возможность считать себя частью великой эллинской нации, хотя большинство греков воспринимали эпирян полуварварами, как их соседей-македонян. Ручей, истекавший из-под корней дуба Зевса, в любую жару не иссякал, а вода в закрытой посудине не портилась годами, имела чудотворную силу: исцеляла безнадежно больных. Сюда стремился попасть каждый грек, и Каллипп после странствий по миру подался сюда, чтобы услышать оракул со своей судьбой. Когда узнал, что остаток дней проведёт на этой земле, удивился.

В тот день у священного дуба оказался и Арриба; тогда ещё он не был царём. Арриба обратил внимание на пожилого незнакомца, выделявшегося среди паломников благородной внешностью, а когда разговорился с ним, прочувствовал мудрость в речах. Арриба спросил Каллиппа, есть ли у него, брата царя Неоптолема, надежда на престол. Услышал ободряющие слова:

– Всякому плоду время вызревать – твоё время скоро придёт.

А потом оракул сказал Аррибе то же самое:

– Терпи и жди!

Вскоре Неоптолем погиб, его брат Арриба стал у власти, правда, пока опекуном детей убитого царя. Тогда он и вспомнил о провидце-аргосце, велел разыскать. С тех пор царь Арриба не примет важного решения без его подсказки. Но главный советник при этом никогда не злоупотреблял доверием царя.

Послание Филиппа

Каллипп появился, припадая на левую ногу. Худощавый телом, словно юноша, одетый в наспех накиннутую *хламиду*, он поспешно направился к троносу, поприветствовал царя. Встревоженные глаза в сетке морщин и вспотевшая лысина выдавали озабоченность, хотя подобные ночные вызовы советника случались часто.

– Что случилось, мой царь?

– Каллипп, ты знаешь, что своему царю ты нужен днем и ночью. Тогда чему ты удивляешься?

Арриба хитро прищурился, после чего рассыпался сиплым смешком. В ответ Каллипп улыбнулся уголками рта.

– Ночь – неподходящее для дел время. Но если царь вызывает меня, для этого есть важные обстоятельства.

– Да, это так, Каллипп. Поэтому я призвал тебя, прервав сон твой.

– Пусть это не беспокоит тебя, царь! И хотя сон был для меня интересен, я досмотрю его позже, когда позволят обстоятельства.

Арриба оживился. Он любил расспрашивать приближённых об их снах, пытаясь угадать в них собственное будущее, поэтому доверял *психомантии* – предсказаниям по вещим снам. Каллипп владел этим редким, столь ценным искусством разгадывания сновидений, обычно предсказывал важные события по сновидениям царя. В этом деле Арриба ему полностью доверял.

– Расскажи, Каллипп, что видел в своём сне. Мне не терпится узнать.

– Сегодня ночью мне приснился молодой лев, который ласкался к тебе, будто дворцовая собачонка. А дальше что с ним случилось – не знаю: меня разбудил слуга, и вот я здесь.

Арриба недоверчиво посмотрел на советника.

– Видеть во сне льва – хорошо или плохо для меня?

– Лев, известно, могучий зверь, он не угрожал тебе, вёл себя дружелюбно. Это значит, что кто-то из молодых царей будет просить тебя о дружбе, не иначе.

Арриба удовлетворённо хмыкнул. Не имея больше терпения молчать о том, ради чего он призвал советника среди ночи, царь протянул папирус, на который с любопытством поглядывал советник.

– Каллипп, твой сон оказался вещим: вот послание молодого македонского царя Филиппа. Читай!

Каллипп с почтением принял свиток. Царь, как обычно, по невниманию своему, забыл, что советнику необходимо присесть. Пришлось ему стоять, переминаясь и сберегая вечную ногу. Он принял позу, какую всегда делал при чтении царских документов: распрямил грудь, прокашлялся. От важности момента голос его слегка задребезжал:

– Филипп – Аррибе: Хайре! Царь Македонии приветствует царя Эпира!

Царь махнул рукой, прервав советника:

– Приветы и пожелания пропусти. Не так важно.

Каллипп согласно кивнул, продолжил почти с середины свитка:

– Царь Арриба, ты ведёшь род свой от Ахилла, героя войны с троянцами. Мой род исходит от Геракла, сына Зевса. Поэтому боги Олимпа покровительствуют нашим царствам. Лучезарный Аполлон щедро посылает свет и тепло земле Эпирской, равноценно, как и земле Македонской. Поля, сады и пастбища эпирян и македонян дают богатые урожаи, а домашний скот – хорошие приплоды. Наши горы богаты строительным камнем, корабельным лесом и полезными рудами.

Каллипп остановился и посмотрел на царя. Арриба, склонив голову набок и прикрыв глаза, слушал со вниманием. Слова царя Филиппа, видимо, доставляли ему огромное удовольствие. Советник продолжил чтение:

– Я говорю о достатке народов Эпира и Македонии, благополучии наших царств. У тебя, царь Арриба, и у меня, в сокровищницах есть золото и серебро. И всё-таки у меня нет драгоценности, которая есть у тебя, царь Арриба – я говорю о Миртале, дочери Неоптолема, твоей племяннице, которая живёт под твоей заботливой опекой. Вот почему я прошу у тебя Мирталу себе в супруги.

У Каллиппа перехватило дыхание. Царь счастливо улыбнулся, он был рад видеть своего советника в таком состоянии.

– Читай, читай дальше! Чего медлишь?

Советник справился с удивлением, продолжил читать послание:

– Если ты отдашь Мирталу мне в супруги, Македония и Эпир объединятся в дружественном союзе, и тогда ни один враг не осмелится притязать на наши земли. Потому что я буду другом тебе, ты – другом мне. Когда Миртала родит сына, он станет наследником македонского престола. Да сохранишь ты здоровье своё на многие годы, и пусть покровительствуют тебе боги Олимпа, сопутствует удача в твоих делах! Будь здоров, Арриба, царь Эпира.

Каллипп поднял глаза на царя. Арриба, посерьезнев, деловито спросил:

– Каллипп, тебе придётся хорошо подумать, прежде чем ответить на мой вопрос: отдавать ли мне любимую племянницу за этого варвара.

– Мой царь, я готов сразу сказать, что от твоего решения зависит не только судьба Мирталы, но ещё Эпирского царства.

– Ты прав, Каллипп, – сдержанно согласился Арриба.

– Тогда, царь, прояви терпение и выслушай мою правду.

– Всегда ценил тебя, Каллипп, за это качество! Говори!

Старый советник начал осторожно, взвешивая каждое слово:

– Я осмелюсь сказать тебе, царь, что лучшего мужа для твоей племянницы не найти.

Арриба не сдержался, вознегодовал не на шутку:

– Вздор! Миртала из рода Ахилла, она достойна лучшего мужа, чем малоизвестный дикарь Филипп! Её браком должен возвыситься Эпир, а здесь вся Греция будет смеяться надо мной – Арриба выбрал варвара в мужа племяннице!

Советник смиренно откашлялся.

– Позволь объясниться, царь!

Приняв молчание Аррибы за разрешение, продолжил:

– Миртала становится взрослой, строптивой женщиной. Скоро с ней будет трудно управиться. Женщина иногда превращается в неукротимую *фурию* – а она склонна к этому своими непредсказуемыми действиями. Стоит вспомнить её увлечение вакхическими обрядами.

Каллипп, заметив, что царь слушает со вниманием, продолжил смелее:

– А Филипп, женившись на Миртале, не потерпит её строптивости, быстро обуздает её гонор. К тому же, когда она родит ему наследника, забудет про отчий дом. В таком случае чего тебе желать лучшего, царь? Я думаю, чем скорее ты отдалишь Мирталу от двора, тем будет лучше для тебя и Эпира.

Арриба задумчиво покачал головой, в итоге, видимо, соглашаясь. Это вдохновило Каллиппа:

– Но я посмею предположить, – сказал он, – что Миртала не захочет расставаться с младшим братом, Александром. Она его любит, заменив умершую мать. Царь, отправь Александра с ней, и в Эпире надолго воцарится покой. Зачем твоему сыну Эакиду нужен соперник на эпирском престоле?

Лицо Аррибы исказила кривая гримаса, это Каллипп успел заметить. Царю явно не понравился намёк, но он сдержался, поскольку хотел узнать дальнейший ход мыслей советника.

– Я слушаю тебя, Каллипп. Продолжай убеждать меня о пользе брака Мирталы с Филиппом.

– Мой царь, выскажу ещё довод. Эпиру следует опасаться не Фив и не Афин, а Македонии. Я давно слежу за действиями молодого царя Филиппа. Намерения его могут быть опасными для всей Греции, как и для Эпира. При воцарении он обещал своему народу вернуть македонские земли, утерянные прежними царями. А это прежде всего война с соседями. Выходит, с Эпиром тоже. А если Македония становится другом Эпира, такой союз тебе выгоден, тогда Иллирия и Фракия не предпримут военных действий против эпирян. Не осмелятся.

Каллипп выжидающе посмотрел на Аррибу.

– Тебя слушать, все враги испугаются, если Эпир и Македония объединятся в союзе.

– Да, мой царь, я осмелюсь подтвердить свои слова. Эпиру будет лучше видеть в македонском царе плохого друга, чем хорошего врага. Но если откажешь Филиппу, получишь верного врага. согласишься – брак с твоей племянницей тебе обернётся огромной выгодой.

Каллипп умолк, вытащил из-за пазухи платок, пережидая, вытер вспотевшее лицо и лысину. Арриба спросил его:

– А как поступит Персия с Македонией, если решится напасть на Грецию? Персы не такие, чтобы уstrasиться Филиппа?

– Ты мудр, мой царь. Эпир обязательно окажется на их пути, если персидские цари надумают пойти на греческие города. Но Македония может помешать их планам, потому что будет стоять на их пути. Нет, Эпиру лучше иметь Филиппа союзником.

Арриба хрустнул пальцами рук, это означало, что он устал. Советник предусмотрительно умолк. Наступила тишина. Где-то на хозяйственном дворе прокукарекал ранний петух. Неожиданно Арриба встал и подошёл к десертному столику, который только что занесли слуги: во дворце знали привычку царя трапезничать по ночам. На широком блюде из кованой бронзы источали запахи жареные дрозды. Хлебная лепёшка с кусками сыра, листья зелени. Ваза с фруктами и бисквитами, которые Арриба любил поглощать сколь угодно... В деревенском кувшине, *орке*, красное вино, густое и терпкое; оно немного горчило, но Арриба знал, что необыкновенный привкус передавался от кистей вяленого винограда во время брожения сула.

Царь с завидным аппетитом утолял внезапно распалившийся голод, словно не так давно хорошо поужинал. Каллипп терпеливо пережидал неожиданную трапезу, он знал, что царь не имел привычки разделять с кем-либо стол. При этом царь старался не вспоминать слова придворного лекаря о том, что ночная еда сильно утомляет желудок и мешает сну. И Гиппократ говорил: «Кто ест много на ночь, того ожидают неизлечимые болезни». Насытившись, царь сунул головку чеснока в тмин, смешанный с солью и какой-то зеленью, целиком съел. После выпил подряд два кубка-*канфара* вина.

Советник, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо ожидал, когда царь отпустит его. Но Арриба, перейдя опять на тронос, пожелал слушать дальше.

– Послушай, Каллипп, – сказал он умиротворённым голосом, – я хочу узнать о Филиппе столько, сколько ты знаешь о нём.

– Да, мой царь, я готов! – покорно согласился советник.

Царь наконец обратил внимание, что Каллипп всё это время стоял перед ним, хотя для подобных встреч строгих правил не существовало. Он вяло махнул рукой, указав на стул у стены. Подождал, пока советник присел, и стал с облегчением потирать увечную ногу.

Каллиппу было что рассказать о Филиппе. Он собирал сведения о нём и Македонии с того момента, когда младший сын царя Аминты затеял смертельную возню с кандидатами на престол. Сведения добывались по разным каналам – от разговоров с торговцами и путешественни-

ками, при встречах с паломниками и наёмными воинами, служившими в войске македонских царей. Советник откашлялся, отметив про себя, что неплохо бы промочить горло хорошим глотком вина. Но царь, увы, не предложит ему.

– Филипп не варвар, как говорят в Греции. Его род действительно происходит от потомков Геракла, которые когда-то были царями на Пелопоннесе.

– Как они оказались в Македонии?

– Я слышал, что последний царь из рода Гераклидов правил в Коринфе, пока недовольные жители не изгнали его. Он и члены его семьи были вынуждены покинуть Пелопоннес, пройти путь в Македонии. Освоились в богатейшей области Линкестиды, где обрели влияние среди местных жителей. Однажды один из членов царской семьи стал во главе племени линкестов, и с этого времени их представители непременно становились царями Македонии.

– Выходит, Филипп, если он потомок Геракла, – эллин?

– Да. У него греческое имя: «Фил-гиппос» («Любящий коней»), а кони для греческих аристократов были всегда предметом гордости. Конные состязания – удел только знати. Молва говорит, что Филипп крепок здоровьем, жизнерадостен и неутомим во всём – в походах, кутежах и в общении с женщинами.

– Тебя слушать, Каллипп, так мне выпала большая честь породниться с ним?

– Но с Филиппом следует быть осторожными, царь, – он сам себе на уме, и что ни замышляет – всё у него получается.

Каллипп осторожно посмотрел на Аррибу, не хмурится ли тот, слушая восхваления чужому царю. Не заметив ничего подозрительного, продолжил:

– Филипп, несмотря на молодость, успел жениться три раза: наверно, в подражание своему предку Гераклу – тот был женат трижды.

Лицо Аррибы изобразило искреннее удивление: брови приподнялись дугами, сухой рот дёрнулся в гримасе.

– О, интересно узнать, когда он успел? Ему ведь только двадцать пять лет, как я слышал!

– Да-да! В первый раз Филипп женился на Филе, сестре князя Дерды, заносчивого и влиятельного в Македонии правителя Элимиотии. Тогда ему исполнилось девятнадцать лет, и он только что вернулся из Фив, где жил шесть лет в заложниках.

– Так-так. А где его жена сейчас? – Арриба увлёкся рассказом советника.

– Филадельфия умерла от лихорадки.

– Ах, вот в чём дело! – Эта новость была не так интересна. Царь заторопил советника: – Кто вторая жена?

– Вторая жена у него была иллирийка. Он привёз её из похода как военную добычу.

Арриба, похоже, удивился ещё больше. Его настроение, кажется, вдохновило советника, и он с упоением, словно сам был очевидцем тех событий, стал рассказывать, как Филипп получил от старшего брата, царя Македонии, в управление область Эги. Набрал наёмников за свой счёт и повёл их на соседнее иллирийское племя, досаждавшее македонянам. Иллирийский царь Бардил попытался воспрепятствовать его затее со своим войском, но погиб в первом сражении. Филипп не торжествовал победу и не разорял поверженную Иллирию. Он женился на дочери царя Авдате, а в качестве приданого забрал себе лучшие земли Иллирии. На шумной свадьбе вместе гуляли македоняне и иллирийцы.

В браке Авдата назвалась греческим именем – Евридика. Она родила дочь Кинапу, но умерла в послеродовой горячке.

– Это боги наказали македонского выскочку! – не удержался Арриба.

– Наверно, так и есть, мой царь, но Филипп, когда стал царем, решил на третий брак. Ему очень был нужен наследник!

– Да, конечно. И кто же была его избранница?

– О, этим браком он всех удивил: женился на Филинне, танцовщице и простолюдинке из Фессалии. Говорили, правда, Филинна была необыкновенная красавица. Поэтому можно понять молодого царя – глупая страсть толкнула его на безрассудный шаг. Филинна родила сына Арридея, но вслед умерла.

Арриба не удержался от смешка:

– Злой рок гонится за Филиппом.

– Да, похоже, мой царь.

– Но тогда выходит, что у Филиппа есть наследник? Зачем ему Миртала?

Каллипп замялся, развел руками:

– Арридей с рождения оказался... не совсем здоров, слаб на голову.

– Так он – *маргит*? – советник не понял, удивился или обрадовался Арриба.

– Судя по всему, вмешалась богиня помутнения разума Ата, поскольку боги Олимпа были недовольны его последним выбором жены.

– Теперь мне понятно, почему Филипп прислал гонца. Ему нужен наследник царской крови.

– Это так, царь. Ахилл является предком твоей племянницы Мирталы по материнской линии. Македонянин понимает, с кем нужно породниться.

Арриба оживился. Ему были приятны упоминания о легендарном герое Троянской войны Ахилле.

– Я понял из твоего рассказа, Каллипп, что Македония для Эпира может быть опасна, и только по этой причине мне нужно выбрать из двух зол одно – или держаться от него в стороне, или иметь союзником.

– Уверен, царь, ты поступишь мудро.

– Я выбираю второе.

Каллипп вздохнул с облегчением.

– Это правильный выбор, мой царь.

Арриба показал рукой на розовеющий прямоугольник окна в стене.

– Смотри, богиня утренней зари Эос подаёт нам знак. Пора заканчивать. Я пойду отдыхать, а ты готовь ответ Филиппу. – Арриба неожиданно замялся. – И ещё... сообщи о моём решении Миртале. Пусть готовится к отъезду. Сам понимаешь, возражений я не приму.

Глава 2. Миртала

Пробуждение

Солнце подобралось к полудню, а на женской половине царского дворца, в *гинекее*, властвовали тишина и покой. Небольшая девичья комната оставалась затемнённой из-за плотных штор, прикрывающих единственное оконце. Но яркий солнечный жгутик, что всё это время настойчиво пробивался сквозь случайную щёлку, упал на неширокую кровать и стал приближаться к спящей хозяйке комнаты, беззаботно открывшейся в непорочной обнаженности. Вот тёплое пятнышко света коснулось длинных золотистых волос, разбросанных по слегка влажной от ночной росы постели, затем коснулось бледной щеки...

Было очевидно, что незванный гость явился сюда с намерением разбудить обитательницу гинекея – юную Мирталу. Но, несмотря на настойчивые приставания, ему не удалось прервать её сон. Она крепко спала, уютно пристроив голову на *эпиклитроне*, валике, набитом мягкой овечьей шерстью. Видимо, и хорошо проявленная морская трава в кожаном чехле матраца не давала возможности расставаться со сновидениями, которые дарили людям боги ночи. Ведь боги нередко посещают спящего человека по своему желанию, ради развлечения, или чтобы сообщить ему нечто очень важное, меняющее его судьбу. Особое значение придаётся сновидениям, приходящим под самое утро...

В комнату неслышно вошла полногрудая женщина в аттическом *хитоне* – широкой в два рукава, падающей складками верхней одежде из льняной ткани; на талии пояс с вышитыми узорами. Няня Мирталы. Седая прядь в тёмных волосах и тучные бедра, которым было тесно даже в просторной одежде, выдавали не зря прожитые годы. Няня уверенно и без излишнего шума принялась подбирать и раскладывать разбросанные повсюду вещи, одежду, обувь. Вернула на место опрокинутую набок плетёную корзинку для рукоделия, *калаф*, и вывалившиеся оттуда разноцветные клубки шерстяных ниток. Заметила на полу блюдо с недоеденными фигами и *трагематой*, детскими печёными сладостями. По привычке покачала головой – вот так каждое утро!

У стоявшего в углу большого деревянного ящика – *кисты* – была откинута крышка. В ящике хранились самые разнообразные предметы, без которых трудно представить обитателей гинекея: старинные украшения, передаваемые женщинами от одного поколения к другому, косметические средства, праздничная одежда. Хранились *тотемные* изображения животных и жертвенные сосуды, предназначенные для исполнения тайного женского культа, и много ещё такого, что можно назвать одним словом – «женские штучки». Девочка опять рылась в этих, как ей казалось, «соковищах», в поисках чего-нибудь невиданного и неведомого.

Няня с лёгким ворчанием стала подбирать по комнате разбросанные вещи, закрыла крышку ящика. Подняла с пола и возложила поверх шляпу с широкими полями конической формы, от солнца – *толио*. Считая, что порядок в комнате наведён, женщина присела на край постели и стала пристально смотреть в лицо девушки. Оставалось главное – разбудить воспитанницу, но так, чтобы она не рассердилась или не расстроилась зря. Не то целый день будет дуться на няню и слуг ругать почём зря.

Поняв, что таким приёмом Мирталу не разбудить, няня направилась к окну и решительно отдернула штору, пустив в комнату водопад солнечных струй. Миртала непроизвольно прикрыла руками глаза, а потом их открыла. Лицо отразило удивление, словно она впервые видела свою комнату, а в ней – свою любимую няню. Когда поняла, что из сновидений вернулась в реальный мир, произнесла голосом обиженного ребенка:

– Артемисия, ты разбудила меня, а я ещё спать хочу.

– Довольно валяться в постели, моя красавица. Повар истомился в ожидании – пора подавать тебе второй завтрак, а ты первый не отведала.

– Артемисия, ну, пожалуйста, я ещё посплю. Ну, совсем немножечко! – Капризные нотки усилились. – А я тебе расскажу, что мне привиделось во сне. Не поверишь – очень необычное! Хорошо?

– Дядя твой будет недоволен, если узнает, что ты поздно встаёшь! Нет, нет и нет!

Няня решительно потянула покрывало, после чего Миртала не стала сопротивляться, присела на постели.

– Ладно, мучительница, сдаюсь! Но прежде я расскажу, что приснилось мне, вот, под самое утро. – Заметив интерес на лице няни, Миртала продолжила: – На мне была одежда не совсем обычная, я скажу, варварская, и украшения на мне были: кольца, серьги, каких я не видела раньше. Но очень красивые – золотые и серебряные... Чудно! – Увидев, что няня собирается ей что-то сказать, заторопилась: – Подожди, подожди, я не всё сказала! Ещё я летала над землей. Долго летала, как Дедал летал с сыном Икаром. Я взмахивала большими крыльями, поднялась так высоко, что, когдаглянула вниз, люди были меньше муравьев. Но мне не было страшно.

Няня ласково притянула Мирталу к себе, прижала к груди, поглаживая длинные послушные волосы цвета спелой пшеницы – редкого для эллинской породы, будто грива коня из упряжки Гелиоса. Заглядывая в широко распахнутые глаза цвета спокойного моря, Артемисия заговорила успокаивающим голосом, как в детстве рассказывала воспитаннице на ночь красивые истории из жизни богов и героев:

– Сон твой откровенный и, по всему, правильный: богиня женской судьбы Бридзо сообщает, что тебя ожидают большие перемены. Сон твой к скорой свадьбе, милая моя! Об этом говорят чужеземное платье и дорогие украшения.

– Артемисия, о чём ты говоришь! О какой свадьбе может идти речь? Мой опекун, дядя любимый, придумает тысячу предлогов, чтобы не выдавать меня замуж. Зачем ему хлопоты?

– Но ты сама сказала, что на тебе одеяния были вроде как варварские. Вот и отправляться тебе в чужие края, туда, где все носят такую одежду и украшения.

Миртала соскочила с кровати и побежала, как была обнажённая, по комнате, размахивая руками, будто раненая птица. Кричала:

– Не хочу! Не желаю замуж за варвара!

Няня, широко расставив руки, поймала воспитанницу и, чтобы утихомирить, начала гладить по голове, шептала нежные слова. Миртала с усилием вырвалась из её объятий и села на пол, поджав ноги и упрямо сжав губы.

– Постой, а как ты объяснишь мои полёты во сне?

Артемисия, собрав добрые морщинки у глаз, улыбнулась:

– Очень просто, милая: полёты во сне подтверждают твоё скорое замужество, а мужем будет царь в чужой стороне. Рядом с царём ты будешь царицей, потому что, чем выше в полёте ты поднималась во сне и видела себя выше людей на земле, тем больше возвысишься ты над ними в замужестве. Потому что царская власть выше простого народа. Летать на крыльях – одинаково к добру для всех, кто ждёт освобождение. У тебя это будет освобождением от опеки дяди твоего, царя Аррибы.

Увидев, что воспитанница успокоилась, няня улыбнулась и с радостью в голосе произнесла:

– Сон твой к добру, милая девочка! А теперь послушай меня, о чём весь царский двор жужжит, как растревоженный улей с пчелами. Одна ты в неведении.

Миртала резко встала.

– Что я должна узнать? Говори немедленно!

– Ночью из Македонии прибыл гонец с письмом: македонский царь Филипп просит твоего дядю отдать тебя в жёны...

В глазах Мирталы заметались злые огоньки, которых Артемисия всегда боялась.

– Ах, обманщица! Вот почему ты разгадала мой сон!

Артемисия запричитала:

– Зачем обижаешь свою няню? Я желаю только добра тебе! Да, я первая узнала о гонце Филиппа, но сон твой – вещий! На всё есть воля богов – и ты их промысел!

Артемисия всхлипнула от обиды, и Миртала тут же прижалась к ней. Через некоторое время обе успокоились. Миртала первая прервала молчание:

– Конечно, я думала, что когда-нибудь выйду замуж. Но не за македонянина, пусть он будет даже царь! Няня, ну почему дядя решил отдать меня за Филиппа? Я истинная элинка, а он, я слышала, дикарь.

– Увы, моя девочка, придётся смириться. Такова воля твоего опекуна.

– Но я совсем не знаю Филиппа! Я должна принадлежать мужчине, которого совсем не знаю? Он мне уже сейчас противен! – Из глаз Мирталы продолжали сыпаться гневные искры.

– Ой, моя красавица, разве чувства – главное в женской доле? Вспомни, кто ты есть? Прости меня, старую няню, но ты сирота обездоленная, дитя бесправное, и так будет, пока не обретёшь мужа... А станешь женой Филиппа – вот ты и царица! Вслушайся – царица! А муж твой будущий, говорят, – красавец! Он храбрый воин – не даст тебя в обиду. Не спеши с возражениями!

Няня опять прижала к себе воспитанницу, успокаивая её и вразумляя.

– Когда ты была совсем маленькая, я пела тебе *бавкалемату*, детскую колыбельную песню, о том, какой будешь ты царицей. Тебе эта песня очень нравилась. Так почему же сейчас ты сомневаешься в моём стремлении желать тебе счастья? Да, ты не знаешь Филиппа, не любишь его. Но это потому, что ещё не познала его как женщина и он тебя не познал. Так бывает всегда с девушками. Любовь женщины к мужу таится глубоко в недрах её собственного сердца, и эта любовь будет неведома тебе до определённого мгновения в замужестве. Придёт время – и ты полюбишь мужа, захочешь рожать от него детей, и тогда будешь любима, значит, по-женски счастлива.

– Но когда я читала стихи Сапфо, поняла, что настоящая любовь случается только один раз. Когда девушка встречает своего мужчину, которого подскажет её собственное сердце. Остальное не любовь, а подделка!

– Миртала, дорогая, я говорю о замужестве, а не о какой-то чепухе, которую воспевают поэты вроде твоей бесстыдницы Сапфо. Только беспутные жрицы Афродиты могут толковать о какой-то необыкновенной, страстной любви! Если девушка выходит замуж, она будет обязана любить мужа. Пусть не сразу это произойдёт, но со временем! – Артемисия заговорщицки подмигнула Миртале. – Поверь моим годам, женщины в супружестве могут обходиться и без горячей мужской любви.

Увидев, что воспитанница проявила интерес, няня воодушевилась:

– Представь себе, ты станешь царицей всех македонян, бедных и богатых, крестьян и князей. Тебе придётся властвовать над людьми. Но при всей власти над всеми ты будешь подчиняться мужу своему. Тебе придётся умерить свою горячность, принизить гордыню – а она у тебя излишняя, сверх меры! В замужестве будешь благоразумной в поступках, но деятельной – и тогда с тобой ничего плохого не случится. Муж твой оценит твоё усердие, окружит тебя любовью и своей привязанностью. Будет делать тебе дорогие подарки.

Голос у Артемисии неожиданно задрожал, она всплакнула и достала из недр одеяния крохотную амфору из серебра. В ней хранилась целебная анисовая настойка, припасённая придворным лекарем-*фармакопеем* в качестве поддержки больному сердцу и при волнениях души. Сейчас как раз тот случай!

Увидев слёзы няни, Миртала прижалась к ней, стараясь не расплакаться самой. Вволю излив чувства, обе успокоились. Слезы высохли. Миртала засыпала Артемисию вопросами: каков Филипп по обличью своему, сколько лет ему. Артемисия, довольная тем, что выполнила поручение Каллиппа – это было именно так, – неспешно поведала обо всём, что поутру узнала от царского советника. Няня рассказывала, от возбуждения всплескивая руками, а Миртала слушала, уносясь в мир девичьих грёз...

Память детства

Неужели наступил день, который в последние годы представлялся Миртале вовсе не печальным событием, освобождением из-под унижительной опеки подозрительного и невероятно скупого дяди Аррибы? Неужели пришло время проститься с привычными вещами в родном доме и с Эпиром и начать вот так вдруг совершенно иную жизнь, неизведанную, полную непредсказуемых событий?

Миртала называла комнату, которую отвёл для неё во дворце дядя Арриба, птичьей клеткой. Здесь «птичку» кормили и поили, но покинуть гименей без разрешения опекуна было невозможно. В последние годы дядя не позволял племяннице заводить себе даже подруг из знатных семей придворного окружения.

Взгляд упал на туалетный столик: вот любимый перстень из *agateca*, подарок матери. Она купила его для Мирталы у заезжего финикийского купца в тот день, когда узнала, что дочь из подростка превратилась в девушку, стала взрослой. Купец сказал, будто агатес приносит счастье. Может, это и есть её счастье – сочетаться браком с царем Македонии? Миртала дорожила камнем, как памятью о матери. Еще у неё есть небольшая тарелочка для косметических мазей, крохотный ножичек с рукояткой из кости и поясная пряжка из позолоченной бронзы. Всё, всё в этой комнате знакомо и дорого! Как же бросить эти милые вещички и уехать вдруг навсегда?

Вот картина на стене, изображавшая встречу Диониса с пиратами. Пираты захватили его, не зная, что он бог. Дионис не открылся им, а когда корабль направился в море, свершилось чудо: по палубе заструилось вино, на парусах проросли виноградные лозы, на мачтах, как на ветвях, появились диковинные фрукты, а корабельные уключины для весел оказались увитыми гирляндами из цветов... Только тогда пираты поняли, что пленник непростой, и перепугались, стали униженно просить у Диониса прощения. Но было поздно: на палубе появились хищники, которые растерзали пиратов; кто успел выброситься в море, превратился в юркого дельфина... Этот необычный эпизод художник изобразил на картине.

Когда отец пригласил художника и спросил дочь, что она хочет видеть на картине, Миртала не сомневалась: «Диониса». Для нее он представлялся прекрасноликим юношей с пронзительными голубыми, как небо, глазами и светлыми, словно лучи солнца, кудрями, и небольшой бородкой на пышущем здоровьем лице. Дворцовый жрец-прорицатель объяснил девочке, что имя Дионис означает «Бог с горы Нис». По воле злой судьбы божественный малютка оказался в Индии на горе Нис, где прошло его детство. Когда Дионис вырос и стал богом, он научил людей растить виноградную лозу и делать вино, веселящий сердце напиток, прогоняющий заботы и страдания. Эллины называют бога именами: «Влага Вина», «Небесная Влага», «Живительный дождь, изначально оплодотворивший Землю». Жертвенные приношения посвящают Дионису «Одождителю», после чего небесные потоки увлажняют землю, давая рост всевозможным злакам, деревьям и травам. Одним из символов Диониса является змея на посохе – эмблема здоровья, за это бога называют «Змеями увенчанный», «Змеевидный». Имена эти почитают совместно с именем Диониса.

С тех пор как девочка Миртала себя осознала, она начала чувствовать необъяснимое влечение к Дионису, словно к божественному жениху. По этой причине она перестала бояться змей, часто подбирала их малышами, кормила, приручая к рукам, как делали взрослые жрицы культа Диониса, бесстрашно целовавшие их в разящие смертью пасти. Миртала замечала, что вся трепещет от одного вида неуловимого изящества змей и мистической таинственности застывших в неподвижности глаз. Со стынувшим благоговением она пробовала прикасаться щекой к прохладной змеиной коже, осознавая, что это её не страшит, и даже нравится...

Миртала выросла, заполняя пребывание в Эпирском дворце фетишами избранного культа. Повсюду висели виноградные лозы, а в другое время года – густые нити вечнозеленого плюща. Разлапистые ветки сосны с фаллическими шишками занимали немало места в дворцовом гинекее. Но особенно девушке было по душе общение с ручными змеями длиной до шести локтей, толстых и недовольно шипящих питонов. Днем они позволяли своей хозяйке прикасаться к их мраморовидной толстой коже, при этом осторожно обвивали хрупкое девичье тело. По вечерам змеи отправлялись на отдых в большие ивовые корзинки с плотными крышками. Возможно, питомцам Мирталы нравились ее ласки? Артемисия однажды подсмотрела, как перед тем, как вытащить змей из убежища, она окуривает их дымом каких-то благовоний, и те сразу становились вялыми, безразличными ко всему. Это похоже на состояние змей, опоздавших по какой-то причине забраться поглубже в нору в осеннюю пору, на зимовку.

У Мирталы иногда проявлялись сильные головные боли. Лекарь предлагал свои настойки, няня уговаривала «прибить головную боль к ясеню или осине»: иначе с больной головы надо было срезать прядь волос и прибить ее к дереву. Миртала отмахивалась от советов и обвязывала вокруг лба сброшенную змеиную кожу. Помогало!

Девочка слышала от женщин о чудесном острове Самофракий, где совершались священные мистерии в честь Диониса. Повзрослев, она поняла, что очень хочет побывать там, окунуться в священную мистерию и стать одной из *менад*, «*безумствующей в вере*». Постепенно желание превращалось в страстное нетерпение. Неокрепшая душа подростка рвалась из стен гинекея, устремлялась к познанию культа Диониса. Остров Самофракий стал желанной мечтой Мирталы...

* * *

Голос Артемисии вернул её в действительность:

– А почему ты говоришь мне, что не знаешь Филиппа? Вспомни юношу, которого встретила во время праздника Диониса на Самофракии! Сколько лет было тогда тебе? Немногим больше двенадцати.

Остров Самофракий

Отец Мирталы, царь Неоптолем, уступил настойчивым просьбам любимой дочери, решил посетить известное в Греции святилище на острове Самос Фракийский, или Самофракий. С девочкой отправили двух молодых служанок и дальнюю родственницу из небогатой, но знатной семьи молоссов, Артемисию, в прошлом кормилицу, теперь заботливую няню. Артемисии можно было доверить избалованную вниманием родителей дочь.

Особенно запомнилось девочке плавание по беспокойному морю. Ветер налетел внезапно и чуть не наделал беды, несмотря на то что кормчий в начале пути бросил в море бронзовую чашу в дар Посейдону. Небольшое торговое судёнышко неуклюже моталось с борта на борт, зарывалось тупым носом в иссиня-зелёную волну, и казалось, вот-вот утонет. Мирталу, как и многих пассажиров на корабле, сразу укачало. Тошнило и не хотелось жить. Наконец, сквозь дрожащее полудневное море на горизонте возник остров. Ближе Самофракий показался огромным чудовищем, которое опустило в море лохматую морду, оказавшуюся мрачной скалой. Над всем островом возвышалась священная гора Саока.

В глубокой древности несколько сотен греков с перенаселённого острова Самос перенесли на пустующий незнакомый остров возле побережья Фракии, организовали поселение. Поскольку многое на новом месте напоминало покинутую родину, переселенцы тоже назвали остров Самосом, но Фракийским. В прибрежных водах сбивались в огромные косяки всякие рыбы, густо росли сосны, горы состояли почти целиком из мраморов ценной цветовой гаммы. Затем люди, поколения за поколениями, бездумно изводили рыбные запасы, вырубали лес на строительство домов и дрова, добывали мрамор, обезображивая горы глубокими карьерами. Наконец, Самофракий обезлюдел, но вскоре на нём стали селиться жреческие касты разных верований – фригийской Кибелы и греческих богов – Деметры, её дочери Персефоны и Диониса – Вакха. С тех пор дважды в год, весной и осенью, со всех концов Эллады на Самофракий стекались тысячи паломников. Экзальтированные истинной верой, греки предавались безумствам в священных мистериях, обретая божественное вдохновение – *энтузиазм*. А когда паломники возвращались к своим домам, они рассказывали о творимых здесь чудесах, добавляя славу острову как священному месту обитания богов.

Миртала прибыла на остров для участия в религиозных торжествах в честь обожаемого ею Диониса. Высадившихся с кораблей паломников встречали местные жрецы и жрицы. Они распределяли их на мужские и женские группы. Было много таких, кто впервые посещал остров, а среди них – кто появился здесь из праздного любопытства, например, как Филипп, который недавно вернулся из Фив. Его сопровождали два друга одинакового с ним возраста. Юношей привлекли рассказы мужчин, посетивших остров во время мистерий, когда происходят немало удивительного. Говорили, что, участвуя в вакхических оргиях, можно обрести некоторый опыт общения с доступными жрицами Диониса.

У подножия священной горы, где в древности был установлен каменный алтарь, служительницы культа Диониса начинали первое действие празднества. Миртала находилась среди паломниц, наблюдавших с благоговением за действиями старшей жрицы в чёрном облачении и с головным венком из ветвей плюща. Она возложила на алтарь цветы и фрукты, из небольшого керамического сосуда пролила несколько капель вина. Затем низким голосом поведала историю жизни и смерти бога. Миртала слушала жрицу и паломниц, которые рыданиями соучаствовали трагедийным событиям в жизни младенца Диониса:

– ... Мать Диониса, фиванская царица Семела, погибла в пожаре по вине Зевса, своего возлюбленного. Пришлось Зевсу донашивать Диониса в собственном бедре...

Иногда голос рассказчицы возвышался, срываясь в крике, и тогда воздух вокруг насыщался страстными эмоциями паломниц:

– ... Титаны разорвали младенца Диониса, а из пролитой крови выросло гранатовое дерево с крохотными кроваво-красными цветками...

Мирталу постепенно окутывало состояние транса. Сердечко стучало чаще, чем обычно. Она почувствовала, как грудь её стеснило – не хватало воздуха... Артемисия вовремя заметила, крепко взяла за руку и вывела из взвинченной толпы. В стороне девочка не слышала, как жрица оповещала паломниц о возмужании бога и славных деяниях во благо людей.

Страдания по Дионису

Филипп и два его друга примкнули к небольшой группе мужчин, впервые прибывших на праздник с разных концов Греции. Как «непосвященные» они не принимали участия в религиозных таинствах. Но каждый при желании мог стать *мистом*, то есть «обладающим знаниями тайных обрядов», что позволяло быть допущенным к участию в священных оргиях. Для этого следовало пройти определённые процедуры совершения сложных обрядов и непростых ночных бдений.

Во главе сформированной из «новобранцев» мужской процессии, *тиаса*, появился один из распорядителей праздника – *экзарх*, седовласый и худой аскет с глубоко сидящими тёмными и, казалось, безумными глазами. Он всё время обращался к Дионису, называя его именем Вакх, заставляя паломников громко повторять за ним:

– Э-Вакх!

Вместе они пришли к поляне, на краю которой Филипп увидел возвышенную площадку, похожую на театральную *скену*. На ней по знаку экзарха актёры разыгрывали *телестерию*, иначе: постановку мифологических историй из жизни бога. Действие сопровождалось громкими восклицаниями исполнителей, пронзительным пением и резкими телодвижениями. Участники спектакля имели на лицах деревянные маски, некоторые, изображая сатиров, спутников Диониса, нарядились в чёрные козлиные шкуры. У них имелись не только рога и хвосты, но ещё гротескные фаллосы из красной кожи. С фаллосами, болтающимися между ног, огромными животами и задами из подушек исполнители выглядели несуразно и поэтому комично, веселя зрителей, пытавшихся смотреть на действие с серьёзными лицами.

Филипп смеялся вместе со всеми. После представления он угадал, кто был главным из актёров – самый пожилой, кто усталым голосом давал указания остальным, вытирая со лба пот несвежей тряпицей. Юноша полюбопытствовал у него:

– Уважаемый, почему в вашем представлении о жизни и смерти бога вы показываете весёлые действия?

Актёр не ожидал вопроса. На морщинистом лице, обозначенном маленькими пронзительными серыми глазками и жиденькой бородкой, изобразилось удивление.

– Ты, юноша, кто будешь?

Услышав, что отец Филиппа – царь и прибыл он из Македонии, актёр широко улыбнулся.

– Мой юный друг, позволь так тебя назвать, когда актёры показывают трагедию, они стараются играть, чтобы зрителя преследовал страх за свою жизнь, если он нарушает законы богов. А в комедии смех – главное, он выступает как эмоция, выражающая радость и полноту жизни. Ты не будешь отрицать, что Дионис после смерти воскрес? Тогда зачем печалиться? Дионис снова с нами – радуйтесь, люди!

Филипп не удержался, возразил – в нём сидел заядлый спорщик:

– Но зачем смеяться над богами? Боги выше людей: только им дано право судить смертных. А так вы можете разгневать богов.

– О, юноша, боги не гnevаются по пустякам. Гомер говорил, что на Олимпе бессмертные боги сами веселятся и смеются беспрестанно. Выкидывают такие штучки – обхохочешься, поэтому всегда находятся в блаженном состоянии. А люди только у богов и научились веселиться и смеются теперь, даже если им очень трудно жить. Когда люди смеются над богами, им кажется, что они становятся равными с ними, потому что им в жизни приходится много лить слёз.

Было видно, что старому актеру приятно общение с юношей, которого заинтересовало его искусство. Он продолжал с ним разговаривать, хотя другие актёры уже покидали площадку:

– Иному кажется, что мы на сцене зря бегаем, навесив на себя фаллосы. А что есть безобразный, на первый взгляд, фаллос для актёра? Он всего лишь символ оплодотворяющего или рождающего начала жизни – и всё! Ибо похожее слово «*фаллус*» не зря у нас, греков, означает олицетворение времени года – когда все распускается и цветет. И если на сцене мы изливаем брань, но это совсем не ругань, а когда машем кулаками, изображая драку, мы не кривим душой, а лишь копируем реальные житейские ситуации.

Старый актёр увлекся разговором с юношей, стал жестикулировать, словно на сцене исполнял первую роль, глаза загорелись менторским задором:

– В комедии мы насмехаемся не над людьми, а над их пороками души и тела, которые разоблачаем во время актёрского действия. А переодевания да обнажение мест у зрителей вызывает лишь беззаботный смех и веселье. Слышишь, юноша, без забот! Ведь смех есть оберег от тёмных демонов, нечистой силы и злых людей. Смотри! – Актёр сложил пальцы в кукиш и задорно потряс перед лицом Филиппа. – Что сей жест изображает? Не знаешь? А это есть фигуральное изображение соединения женского и мужского начала.

Филипп при виде большого актерского кукиша расхохотался. Актер вслед за ним тоже не удержался, долго рассыпался тихим смешком, невольно утирая слезу. Успокоившись, завершил:

– Тебе, юноша, простительно многое не знать – ты молод. Но актёры знают всё, что творится на земле и на небе, и поэтому смешат народ, изображая веселье на сцене.

Они ещё посмеялись вместе, заражая своим настроением стоявших рядом людей, кто с интересом поглядывал в их сторону, прислушивался. Наконец, актёр попрощался с ним и поспешил к своей группе.

Неожиданно мимо Филиппа прошли паломницы, среди которых он заметил хрупкую девушку с волосами цвета спелой пшеницы; скорее, подростка, о чём свидетельствовали бугорки груди, проглядывавшие сквозь ткань. Бледное лицо с большими глазами, распахнутыми миру, выражало одухотворённое удовлетворение от всего, что с ней происходило здесь. При этом она выделялась в обезличенной религиозной толпе едва уловимой величественной осанкой и походкой. Так ведут себя только царственные особы.

Филипп затеял «про себя» игру – разгадать, кто она. Но его, казалось, безвинное занятие, разглядывание девушки с головы до ног, привлекло внимание её спутницы, пожилой женщины. Она с суровым выражением лица заслонила дородным телом свою спутницу, давая понять, что юноша выходит за рамки дозволенного. Филипп отвернулся, сотворив безразличие на лице, а когда вновь посмотрел в ту сторону, девушку не обнаружил, как и её охранительницу. Огорчаться он не стал, считая этот случай небольшой потерей в череде не привычных глазу событий священного праздника.

Но через некоторое время Филипп снова увидел незнакомку, когда перебрался на другой конец острова. На этот раз она была в *эксомиде* – белой тунике с обнажённым правым плечом. Видимо, поэтому девушка показалась ему лесной нимфой, и этим она ещё больше привлекла его внимание; вместе с другими девушками, одетыми таким же образом, она пела нежным голосом, устремив взгляд в неземную даль. Филипп разобрал слова:

– Зевс в определённый Мойрами срок родил бога с рогами быка и увенчал его змеями, отчего и менады вплетают в волосы змей. Славься Дионис воскресший!

Девушки образовали круг и начали медленный танец, держа в руках ивовые решета. Их гибкие тела плавно раскачивались из стороны в сторону. Продолжая танцевать, одновременно каждая извлекла из своего решета небольшую живую змею. Две девушки, вероятно, впали в транс, выкрикивая неразборчивые слова. Подошла жрица, руководившая обрядом, наклонилась, прислушалась и объяснила, что «через них говорит Дионис, он требует жертвы»... Несколько взрослых жриц-менад с яростными выкриками впелись в змей... зубами и в мгновение растерзали на куски... Жрица объяснила, что так менады «насыщались божественным

телом бога», и теперь «бог присутствует в них»... Действие закончилось тем, что служители храма принесли в амфорах священное вино – дар от Диониса, и кто пил его, понимал, что «поглощает не вино, а кровь Диониса, чтобы частичкой бога приобщиться к бессмертию»...

Филипп хорошо рассмотрел незнакомку, тем более что её толстая охранительница не замечала его. Она следила за своей подопечной. Чем дольше юноша смотрел на загадочную «нимфу», тем больше его заполняло непонятное состояние, явно не похожее на праздное любопытство. Но пока он разбирался в своих неведомых ранее чувствах, девушка потерялась из виду. И вновь праздничная суeta охватила Филиппа, закрутила и увлекла мощным потоком древней мистерии по поводу страданий бога Диониса...

Взятие на лоно

На острове Самофракий заметно стемнело. Часть женщин-паломниц столпились у отвесной скалы рядом с узким лазом в священную пещеру. По замыслу строителей мистерии здесь свершается один из самых таинственных обрядов культа Диониса – посвящение в «невесту бога», иначе пополнение в ряды новых служительниц. Местный жрец объяснил, что означает символ пещеры для культа Диониса:

...Пещера – не произвольная пустота в горе, а божественное укрытие сына Зевса и смертной женщины Семелы. Согласно легенде нимфы Нисейской долины спрятали самого младшего из олимпийских богов в пещере, укрыв его от злых сил, посланных мстительной Герой. Ведь имя Диониса – от названия пещеры, расположенной от Финикии вдали и вблизи от течений Египта...

...Пещера – храм, сотворённый природой, где не существует времени, ночь и день там не отличаются друг от друга, отсутствует суeta. Пещера похожа на материнское лоно Земли, она есть вместилище, представляющее и как место рождения, и как могила, то есть начало и конец всякого бытия. Она является местом соединения нескольких миров, заключения брака между Землёй и Небом...

...Пещера внутри горы – нечто женское, спрятанное и закрытое, притом что Гора – мужской символ, видимый и внешний. Гора представлена треугольником, направленным вверх, а пещера обозначается женским, направленным вниз треугольником. Войти в пещеру, пройти через лаз в пещеру означает вернуться в лоно Матери-Земли, преодолевая многие опасности. Здесь совершаются обряды посвящения, это место встречи божественного с обычным человеческим, если человек входит сюда, словно в могилу, чтобы родиться для новой жизни, и тогда его душа увидит дневной свет...

...Пещера – обитель призраков древних монстров, сокрушённых Зевсом под землю за нежелание поклониться Всесильному богу. Они стремятся наружу, хотят прорваться к свету, готовые вылететь на свободу и завоевать весь мир. То есть пещеры символизируют ящик Пандоры, охраняющий мир от зла. Чтобы убедиться в этом, человеку нужно долго пробыть в пещере или зайти туда не вовремя; тогда он увидит неясные тени, услышит таинственные голоса...

Отправляясь на Самофракий, ещё в Эпире, Миртала узнала от придворного жреца содержание таинственного обряда под названием «Взятие на лоно» и теперь, несмотря на некоторые познания, с душевным трепетом и даже опаской ожидала свершения своей мечты.

С небольшими промежутками во времени женщины подходили к входу в таинственную пещеру и, после того как оттуда появлялась очередная «посвящённая» с просветлённым лицом и блуждающей улыбкой, протискивались вовнутрь. Им помогали служители культа – *неокоры* – с горящими факелами. Дошла очередь и до Мирталы. Девочка легко проникла в пещеру, освещённую мерцающим светом трёх факелов. Пределов пещеры видно не было. Подошла жрица, державшая в руках змею длиной не менее в три локтя; тварь широко раскрывала пасть, словно зевала, но девочка не испугалась. Она ожидала чуда. Жрица оттянула на груди у неё хитон и в образовавшееся пространство ловко запустила змею. Обжигающий холод скользнул по обнажённому телу сверху вниз; потом появилось ощущение, будто жар вспыхнул внизу живота... и так же внезапно исчез.

Жрица подхватила выпавшую из-под хитона змею, следом кто-то за спиной, невидимый в темноте, высыпал на голову Мирталы маленькие фигурки из запечённого теста – содержимое священной корзины, *лихниона*, – изображавшие фаллос в виде изогнутых змей. Миртала вспомнила слова, которые она должна произнести, как напутствовала её Артемисия; голос девочки прерывался от волнения:

– Лоном я покровная по воле царицы подземной...

Наконец, Миртала оказалась вне пределов пещеры и попала в объятия встревоженной Артемисии. Свершилось! Лишь сейчас девочка осознала произошедшее: «Взятие на лоно» в священной мистерии Диониса означало, что теперь она допущена участвовать в празднествах в качестве жрицы, невесты бога, она «посвящённая»... Миртала ещё долго продолжала ощущать на себе прикосновение шершавой шкуры священной змеи, её пронзительный холод к пылающему девичьему лону. По внутреннему состоянию она, как и остальные женщины-*мисты*, восприняла новое чувство едва ли не как совокупление с любимым божеством. Она услышала громкий призыв старшей жрицы:

– Дионис, во Вселенной ты мой бог! Я часть Вселенной, как и ты, тогда ты – это я. Где пребываешь ты, там постоянно нахожусь я. Я во всём, и ты меня собираешь своей волею, а собирая меня – ты собираешь себя...

В свете ярко горевших в ночи факелов Миртала видела счастливые лица других «посвящённых», которые громко повторяли за жрицей её слова. Девочка тоже присоединилась к общему хору, взывая к богу:

– Светоч ночей, Дионис лучезарнейший, пламенноликий, явись ко мне, к своей невесте!

Жрица подала Миртале горящий факел, пламя которого слилось в общее зарево; жрица прокричала ей на ухо:

– Огонь твоего факела есть мужской бог, являющийся в пламени и тем проникающий в лоно богини Ночи...

Дальнейшая ночь на священном острове показалась девочке чудесной сказкой, видения которой она ещё долго вспоминала по возвращении в Эпир.

* * *

Филипп, переодевшись в белый хитон, как требовал ритуал праздника, примкнул к отдельной процессии, направлявшейся к храму Диониса. Перевоплощение произошло с молодым человеком не только внешне. Поддавшись всеобщему религиозному настроению, он внезапно почувствовал потребность прикоснуться к таинствам культовых ценностей, забыв о легкомысленном замысле своего посещения Самофракия. Набравшись впечатлений, неприметно для себя он становился частью огромной религиозной процессии, что кружилась по острову от одной святыни к другой. Женщины и мужчины шли в факельном свете, каждый в своей *феории* – группе, в сопровождении служителей храма. Иногда пути их пересекались, и тогда приходилось пропускать группу, или они проходили параллельными потоками. У Филиппа появлялась возможность разглядеть лица «соседей», и в глубине души он надеялся ещё раз встретить «ту самую незнакомку».

Люди медленно продвигались в тесноте, при этом не чувствуя неудобства или беспокойства, осознавая лишь собственное состояние погружения в обрядность дионисийства. Они осторожно ступали по камням, стараясь не оступиться на тропе в опасной близости с глубоким ущельем, мимо которого проходила процессия. И когда шли под нависшими над головами скалами, тоже было не легче. Но никто ничего не боялся, так как знали – бог с ними...

Из-за ближайшей горы выглянул серебряный диск луны – хороший знак! Миртале показалось, что она в стране грез среди чародеев, показывающих чудеса. У девочки резко обострились обоняние и слух – ей казалось, что воздух вокруг был насыщен чудесными цветочными ароматами, совсем рядом чудились голоса ночных птиц, всплески реки в невидимом ущелье, шорох листвы деревьев из окружающего леса...

Миртала вдруг заметила юношу, в упор смотревшего на нее. Взгляды встретились. Она успела разглядеть округлое лицо, обрамлённое короткой юношеской бородой. Обычно таких молодых людей женщины называют красавцами. Но девичье сердце при виде его шевельнулось

лишь настолько, что можно назвать обычным любопытством. Мгновение – и она безо всякого интереса отвернулась к Артемисии.

Няня узнала молодого человека. Её возмутило настойчивость, или даже назойливость, с какой он преследовал Мирталу. Поэтому Артемисия решила покончить с этим делом. Незаметно от подопечной она отослала к юноше служанку, поручив передать ему своё возмущение.

Когда служанка вернулась, няня девочки узнала, что юношу зовут Филипп и что он сын македонского царя. Вполне воспитанный молодой человек, не замышлявший ничего плохого в отношении её воспитанницы. Обычное, ничего не значащее любопытство! Но Артемисия представила, какой неприятностью могут обернуться дальнейшие попытки этого царского отпрыска ближе познакомиться с Мирталой. Поэтому решительно увела её прочь, от греха подальше, прикрывая собой воспитанницу, будто львица беззащитное дитя.

А Филипп успел узнать от молодой болтливой служанки всё о юной госпоже, что было ему нужно...

Явление Вакха

Любопытствующая луна, добросовестно освещавшая всё это время подвластное ей пространство острова, будто потеряв интерес к происходящему, внезапно скрылась за ближайшим хребтом. Но окончательной победы мрака над светом не случилось, поскольку праздник продолжался в колышущих отсветах факельного шествия. Окружающие скалы отражали мятущееся пламя, которое тут же устремлялось вверх, чтобы упереться в низкие ночные облака, где оно превращалось в чудовищных персонажей из древних легенд и мифов. Красочное праздничное священнодействие, насыщенное возгласами жрецов и ночными звуками окружающей природы, колеблющимся светом костров и факелов, капля по капле проникало липким туманом в сознание тысяч паломников, настраивая каждого на неприменное повиновение религиозно возбуждённой толпе единомышленников.

Филипп, как и его македонские друзья, тоже попал под всеобщее настроение, оказавшись в положении неплохого пловца, попавшего в стремнину общего потока мыслей, слов и действий блаженных от счастья людей. Он не стал сопротивляться новому чувству, это состояние ему нравилось, отчего безропотно устремился за теми, кто искал вдохновение в боге. Юноша не мог знать, что жрецы и вместе с ними экзальтированные верующие погрузились в религиозный транс больше по причине того, что до начала мистерий долго держали строгий пост и употребляли в пищу лишь один *киксон* – смесь муки, воды, перебродившего меда и вина, и чего-то ещё, притупляющего живой разум нормального человека. Некоторые долго вдыхали дым от тлеющих ветвей лавра, священного дерева Аполлона. В подобном состоянии все они могли входить в мир божественных существ, общаться с ними, вызывая их на разговор и откровения.

Филипп не был «посвященным», не соединился с богом через мистерии, но он попал под влияние всеобщей экзальтации. Ему показалось, что он тоже стал слышать глухие ворчания и шёпоты незримых духов, присоединившихся к участникам мистерии. Томление в членах тела внезапно овладело им, его охватил восторг, мозг сверлила мысль: «Я покорён Дионисом... Бог внутри меня. Весь окружающий мир, необузданная Природа и Космос сосредоточились во мне, и во мне происходят удивительные изменения, разнородные и приятные – и я перестаю быть собой...»

Он стал одним из них, участников мистерий, был вместе с ними, подменив собственные мысли, страдания и желания их чувствами... В его сердце поселились вождения и помыслы людей, с которыми он влился в праздничное священнодействие... Его собственная душа делилась на мельчайшие части, рассеиваясь по воздуху над священным островом, становясь достоянием бога. Это был уже не сильный македонский юноша, который ещё вчера с беспечным видом ступил с корабля на прибрежные камни Самофракия...

Но Филипп по природе своей обладал сильным характером, не позволявшим ему сдаваться. Внутри его сильного тела тихо закипало раздражение. Он нашел в себе силы отделиться от бурлящей страстями толпы. Этого оказалось достаточным, чтобы освободиться от наваждения. Протиснувшись к краю огромной поляны, свободному от паломников, Филипп пришёл в себя, получив возможность наблюдать за происходящим со стороны, пока наконец окончательно не сбросил с себя неудобное чувство несвободы.

* * *

Прохладные дуновения ветра известили всех, что близилось утро. Вскоре раннее солнце позолотило горные вершины острова. Паломники нестройными колоннами, группами и в одиночку устремились по дороге, замощённой плоскими камнями, вниз в долину, где размещался

древнейший в Греции храм Диониса. Филипп тоже направился в ту сторону, предполагая увидеть зрелище, обещавшее быть значительным и ярким.

Храм возвышался на платформе из огромных тёсаных камней, потемневших от ушедших столетий. По фасаду разместился ряд массивных дорических колонн. Крыши у храма, как и у множества греческих святилищ, не было, поскольку бог, находясь внутри собственного жилища, должен иметь возможность общаться с другими богами. Вход в храм ориентирован на восток, чтобы божество видело восходящее солнце.

Лучи солнца брызнули на бронзовые двери храма – Гелиос будил Диониса. Солнце поднималось выше, захватывая в тёплые объятия всю округу. Сейчас произойдёт чудо! Запел незримый хор, зазвучали гимны с восхвалениями несравненного бога. Двери храма отворились, и главный жрец-экзарх, поднявшийся на возвышении, произнёс в тишине, какую только способна была сохранять многотысячная толпа:

– Я спешу обрадовать вас, эллины: Дионис видит и слышит нас! Он говорит: «Да будут счастливы те, кто пришёл ко мне, чтобы вместе заново возродиться после страданий земной жизни, очиститься от греховной суеты!» Дионис говорит вам: «Эллины, возрождайтесь в этот час! Испейте от источника божественного света сполна, от того, кто пришёл к вам из темноты!»

Экзарх продолжал с упоением, словно его устами владел сам бог:

– Мисты, мужчины и женщины, посвящённые служению Дионису – радуйтесь! Возрадуйтесь все, кто много страдал в своей жизни, и не огорчайтесь, вспоминая бога! Кто борется со злом и темнотой, продолжайте дело, а кто устал бороться, снова возродитесь для новой жизни сильным и здоровым, с чистой душой и светлыми помыслами! Дионис передает вам наставление: «Благодатное Солнце пусть засияет в сердцах верующих; но это Солнце не есть солнце смертных – оно чистейший свет меня, идущий от меня, вашего бога! Я – Великая звезда всех „посвящённых“!»

Его слова были понятны людям, ибо они желали слышать именно их, от бога. Люди воспринимали экзарха, будто говорил с ними сам бог:

– Силою пережитых вами жизненных страданий и тех усилий, что привели вас ко мне, своему богу, вы повергнете любого врага. Верьте мне, эллины! Но победы вы добьётесь, если только вера ваша в божественное слово будет крепка! После тёмной ночи всегда приходит день, темнота насилия сменяется свободой в свете бога Диониса. Но если здесь сегодня затесались злые и богопротивные люди, они будут уличены Дионисом и жестоко наказаны, так как бог умеет не только вознаграждать, но и казнить! Злых людей поразит ужас, а неугодных богу настигнет смерть! Пусть свет, который Дионис зажёт в ваших сердцах сегодня, освещает дальнейший ваш земной путь. Пусть поможет он всем страждущим в утешении, в ослабевших духом людей пусть вдохнёт он надежды!

С последними его словами лучи солнца, будто сговорившись, обильным потоком обрушились на долину; ослеплённые светом глаза верующих повлажнели. Экзарх восторженно провозгласил:

– Эллины, призовём Диониса, нашего милостивого и всемогущего бога: пусть остаётся он в наших сердцах, пребывает в нашей любви к нему, в наших слезах и радостях! Любите Диониса, как любят его боги на Олимпе, герои и демоны в безднах! Любите в нём свет, а не мрак! Вспоминайте во время пути к нему о цели, что вывела вас в путь. Ваши души да очистятся в обители света, и лишь чистые и сильные верующие достойны этого света!

С последними словами со всех сторон раздались громкие крики жрецов:

– А теперь воспоём, Э-Ввакх! Э-Ввакх!

Послышались пронзительные звуки свирелей. Народ будто выдохнул разом:

– Э-Ввакх!

Беззаботная нимфа гор Эхо, которая до сих пор рассеянно прислушивалась к тому, что совершалось людьми в долине, радостно приняла многоголосый окрик и перебросила его,

как мяч, ближайшей скале; скала, приняв окрик на грудь, отразила его другой скале, а та – дальше... И пошло, пошло:

– ВАКХ! ВАКХ! ВАКХ! ВАКХ!..

Филипп не удержался и в порыве единения с ревущей толпой, разрываемой священными восторгами, громко кричал:

– ВАКХ! ВАКХ!..

Ему казалось, что голос его, похожий на зов растревоженного весной оленя, достиг родной Македонии и там его слышат. В этот миг он пожелал себе, чтобы его услышала вся Греция!

* * *

Через пять лет Филипп стал царем македонян. В предыдущих браках боги не дали ему наследника. И тогда он вспомнил о девочке из Эпира, юной вакханке с горящими глазами.

Прощание с Эпиром

Следом за посланцем Филиппа, Леоннатом, в Эпире появился доверенный царя Онисим, его дальний родственник; он имел поручение не тянуть с подписанием брачного договора. По этой причине Онисим не спорил с царём Аррибой по мелочам, не настаивал и не торговался в размерах приданого невесты. Но удивился, когда эпирский царь настоял на записи: «Если Миртала вдруг скоропостижно умрёт, деньги, определённые в приданом, должны возвратиться в Эпир». Что ж, греческие законы позволяли подобное требование. Озадачился Онисим, и когда Арриба определял размер приданого, хотя тоже не упорствовал, услышав:

– Поступим, как велел Солон, афинский мудрец. Он совершенно был прав, когда говорил, чтобы за невестами не давали большого приданого. Он разрешил приносить в дом мужа самое необходимое – хозяйственную утварь, и то небольшой ценности. В противном случае брак может превратиться в подобие доходного предприятия или купли-продажи женщины, а ведь сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость и любовь.

Сказал так и распорядился выдать из казны для царской невесты два *таланта* (1 тал = 26,2 кг) серебром, хотя наследованного от родителей имущества за Мирталой числилось в десять раз больше! Ещё разрешил отдать столовую посуду из серебра, подарок Миртале от матери, когда та была жива, и всякой одежды с тканями на двести серебряных *драхм* (1 др = 4,3 г), не пожалел и трёх рабынь – для прислуги. Арриба был счастлив, когда Миртала решила увезти с собой три большие корзины с её любимыми питонами. Ещё взяла индийский зонтик с подвижными спицами для раскрывания, редкий предмет женской гордости и греческой моды. Не забыла Миртала любимую флейту, *плагиавлос*, к которой прикасалась в минуты грусти или отчаяния.

День свадьбы определял Филипп, причём недолго. Поначалу обратился к жрецу-астрологу, который сказал, что наиболее благоприятный для свершения свадеб был *гаммион* – седьмой месяц аттического календаря (январь-февраль). Македонского царя гаммион не устроил – долго было ждать, а Филипп торопил событие, ибо намеревался сразу после свадьбы завершить военные действия, развязанные им во Фракии. Аррибу его пожелание обрадовало, поэтому договорились, что брак Филиппа и Мирталы будет заключён осенью.

По законам предков, невеста отправлялась из родительского дома к будущему супругу в сопровождении отца. Поскольку Миртала росла без отца, это должен был сделать царь Арриба, её опекун. По понятным соображениям он отказался, поручив свою миссию Гермогену, дяде Мирталы по материнской линии, с которым она любила общаться. Но оставалось одно испытание – проверка девственности и способности забеременеть. Этого требовали законы предков, и никто не мог противиться этому! С этой целью с Онисимом прибыла Береника, пожилая женщина, потомственная *акестрис*, повитуха, имевшая большой опыт общения с женщинами из царского рода; Филипп доверил ей испытать невесту.

Береника, оставшись в девичьей спальне вместе с Мирталой и Артемисией, чтобы не напугать девушку, начала с отвлекающих разговоров. Говорила напевно, ласково:

– Тебе, моя милая, повезло: Филипп молод и красив – загляденье. И ты красива. Получается, дети родятся замечательные. Я буду принимать у тебя роды, как делала всегда. Есть у Филиппа врач Критобул, но я не доверю тебя ему, так как женщина не всё может сказать и показать мужчине. Я буду с тобой рядом, когда понадобится...

Говоря все это, повитуха уверенно обнажила девушку, уложила на постель, поворачивала, как ей нужно было. Удовлетворившись, одобрительно закивала седой головой, опять говорила, так же тихо, уютным голосом:

– Я о Критобуле. Если кто из женщин во дворце страдает скрытым недугом, о котором нельзя поделиться ни с мужем, ни с врачом, помогаю всегда я. Ещё помогаю женщинам при

болезнях, не только принимаю роды или прерываю нежелательные беременности. Хотя не всё тебе сейчас нужно говорить!

Продолжая монолог, Береника готовила Мирталу к новому испытанию – проверке на возможность забеременеть. Она велела с головой завернуть её в одеяло, а под кроватью зажечь благовония.

– Ну как? – спросила она через время. – Что ты чувствуешь, милая?

От резкого пряного аромата Миртала едва не задохнулась под одеялом, закашлялась.

– Хорошо, хорошо, моя дорогая! – весело откликнулась повитуха. – Если слышишь запах сквозь толстое одеяло, выходит, что ты по природе своей небесплодна. Такая невеста и нужна нашему царю, – заключила она и поспешила докладывать о результатах осмотра старшему члену македонского посольства Онисиму.

Теперь ничто не препятствовало отъезду невесты из Эпира.

* * *

Наконец, когда численный и качественный состав свиты, сопровождающий невесту, был определён и сформирован, а приданое и дорожные вещи уложены в дорожные тюки, Миртале было разрешено отбыть в Пеллу. В тот день состоялась прощание с царём Аррибой. Дядя хотел показаться добрым, заботливым. Он доверительным голосом высказал племяннице:

– Главное в судьбе женщины – брак, а в браке – рождение детей, для обеспечения непрерывности людского рода. Солон говорил, что жёны нужны эллину для рождения детей-наследников, а для развлечения мужчина всегда найдет гетеру!

Арриба широко улыбнулся, выставив кривые с жёлтым налётом зубы. В ответ не услышал от племянницы ни одного слова, в чём усмотрел необычную для неё покорность. Радуюсь этому обстоятельству, поспешил закончить не приятный для обоих разговор:

– Брачный договор с доверенным лицом македонского царя подписан. Я доволен подарком твоего жениха – у меня великолепный жеребец из Персии. Теперь ты должна стать ему подарком от меня, дорогая племянница.

Арриба вновь изобразил улыбку, радуясь собственной неожиданной шутке. Неуклюже прижав племянницу к груди, сделал вид, что поцеловал её в голову, затем подтолкнул к выходу, давая знать, что прощание завершилось.

* * *

Проезжая на колеснице по скверной дороге в направлении Македонии, Миртала невнимательно слушала негромкое журчание слов Артемисии, сидевшей рядом, и почти не обращала внимания на жёсткие толчки от выбоин и кочек, то и дело попадавших под колёса. Два коня в упряжке дружно тянули не слишком тяжкий для них груз – двух женщин, а всё приданое направлялось караваном из десятка медлительных ослов, следовавших за ними в сопровождении погонщиков и слуг. В караване везли малолетнего брата Александра. Опекун не стал препятствовать его отъезду, даже сказал Миртале, что братику будет лучше с ней, чем если ему оставаться в Эпире со старшей сестрой Троадой.

Миртала думала о своём – о скорой свадьбе, о Филиппе и неизвестности, что ожидает её в Македонии. При всей неожиданности и необычности сватовства Филиппа и поспешности подготовки к свадьбе Мирталу всё равно радовал отъезд из Эпира. Свой брак с Филиппом она воспринимала, прежде всего, как удачный повод для избавления от нудного дядиного надзора. К тому же она надеялась, что будет любима супругом, станет ему подругой и, возможно, верной помощницей в царских делах. Вместе с Филиппом она станет управлять страной и народом. Ведь она рождена для власти – в этом Миртала была уверена. Она будет на вершине власти

и ещё вернётся в Эпир, чтобы отомстить Аррибу за свои страдания под его опекой за то, что незаконно занял престол царства Эпирского.

Эти мысли приятно скрашивали время и неудобства многодневного путешествия. Иногда девушка вздыхала, и настроение у неё менялось, вызывая озабоченность у няни, но в целом жизнь впереди обещалась ей необыкновенной, чудесной...

Глава 3. Потомок Геракла

У стен Амфиполя

Царь Македонии Филипп II проснулся в походной палатке тотчас, как услышал сквозь ночные видения звуки дальней переключки стражи. Пробуждение пришло быстро, возрождая дремавшую силу крепкого молодого тела. Желание продлить удовольствие поваляться в постели к Филиппу не приходило, поскольку раскладная кровать, достаточно узкая и жесткая, не позволяла исполнить это. А ведь проспал он совсем немного...

Вчера у царя собрался совет *хилиархов* – высших командиров-«тысячников», отряды которых вот уже десять дней безрезультатно стояли под стенами Амфиполя. Амфипольцы – в основном греческое население – не верили Филиппу, объявившему через глашатаев, что он желает мира и поэтому просит разрешить ему лишь поставить в городе македонский гарнизон, обороняться от фракийцев. В ответ с высоких стен сыпались оскорбления царю и македонянам попеременно с камнями, стрелами копьями. Понадобилось решительное противодействие, и тогда Филипп приказал пустить в действие стенобитную машину – чудовищную новинку в истории греческих войн. Её возводил вместе с сотней строительных рабочих сиракузский механик Доримион, которого Филипп не так давно переманил от сицилийских правителей, применив весомый аргумент – золото.

Амфипольцы, уверенные в прочности городских стен, поначалу с интересом и веселым любопытством наблюдали за возведением невиданной конструкции. День за днём добавлялись новые детали к диковинному сооружению из бревен, где главной частью был «баран» – ударное бревно, таран, огромных размеров с круто закрученными рогами, окованными железом. Македоняне так и прозвали машину – «Баран». По заверению Доримиона, перед его рукотворным творением не устоит теперь каменная стена любой толщины. И действительно, когда произошёл первый удар – он пришёлся по краю башни, добротное с виду сооружение будто застонало, как от неожиданной боли. Последовал ещё удар и ещё, не менее жестокий, и каждый раз стены отзывались стонами, ссылая с себя каменные осколки, словно брызги дождя в осеннюю пору... Наконец, когда горожане ощутили, как дрожит земля под их ногами от могучих ударов «Барана», приуныли.

Они, конечно, пытались помешать разрушительному процессу, закидывая «Баран» камнями, обстреливали стрелами и копьями воинов при нём. Бесполезно! Доримион предусмотрел защитный навес из жердей, обложенных мокрыми воловьими шкурами: воины (их скрывалось внутри до трёхсот человек) без потерь управляли ходом машины и раскачивали подвешенный на прочных цепях таран, утяжелённый в задней части противовесом. Навес, сплошь утыканный копьями и стрелами, вскоре походил на большого злобного ежа. Амфипольцы догадались наконец защищать стену в месте ожидаемого пролома. Навстречу таранному удару спускали мешки с песком и толстые покрывала из шерсти – для смягчения ударов. Старались поймать головную часть веревочными петлями, но македоняне каждый раз мешали, пуская в ход длинные жерди. После серии безуспешных мер защитники решили спешно наращивать толщину стены, напротив места ожидаемого пролома.

Об этом и прочих событиях был вчера разговор на совете. До Амфиполя многие из хилиархов впервые видели такое чудовище в деле, поэтому не верили в успех. Но, зная нетерпимый характер царя, побаивались сомневаться вслух. Но исподволь заводили разговор о существовании старых, годами проверенных методов ведения войны, среди которых главное – вызвать противника в поле и победить его в честном открытом бою. Но Филипп планов не менял, он верил в успех, поэтому выжидал, хотя македоняне каждый день несли потери, притом что бое-

вых действий ни одна из сторон не вела. Вот как было вчера. Когда пехотинцы-гоплиты со штурмовыми лестницами подходили к стенам города, неожиданно открылись ворота, выпустив наружу отряд лихих амфипольских конников с пиками наперевес. Они с шумным гиканьем понеслись на македонские шеренги, без труда разогнав их. Филипп наблюдал подобное уже несколько раз, сильно огорчился потерям, но тактику не менял.

– Филипп! – горячился на совете молодой Леоннат, его любимец. – Разве ты сомневался в отваге своих воинов? Разрешит отобрать сотню храбрецов – и я захвачу ворота в тот момент, когда они откроются для очередной вылазки!

Пожилые военачальники, готовые поддержать Леонната, выжидательно смотрели на царя, а тому приходилось сдерживать их пыл.

– Я знаю, Леоннат, насколько ты отважен, – успокоил царь. Но Амфиполь – греческий город. Зачем македонянам зря убивать греков, будоражить Грецию, если можно взять город иным способом?

– Тогда прикажи сделать подкоп под стену, – немедленно отозвался Полисперхонт из Тимфея, уважаемый всеми пожилой командир. – Я с тимфейцами, а ты наслышан об их отваге, проберусь в город ночью, тайно. Открою ворота. Вот будет потеха!

– О нет, друзья мои! Как раз этого делать не следует! – сдержанно возразил царь. – Амфипольцы сами должны понять бессмысленность собственного упрямства, добровольно открыть ворота для мирных переговоров. Греки считают нас варварами, потому что мы не научились договариваться с врагами. Всегда жаждем крови. Нет, я буду терпелив, выжду, когда плод созреет и упадет ко мне в руки. Амфипольцы должны увидеть в Македонии друга, а не врага. Зевс свидетель, я не желаю крови!

Вскоре возражения военачальников угасли сами собой. Поговорили о других делах, и совет закончился приглашением царя отужинать. Повод у Филиппа был: Антипатр, его друг и первый военный советник, оставленный в Пелле наблюдать за Македонией, сообщал, что царская невеста отбыла из Эпира и направляется в Пеллу. Филипп отписал, что рад сообщению, но предупредил, что задержится до покорения Амфиполя. Поэтому пусть Антипатр встретит невесту царя, окружит вниманием, позаботится о приличном содержании.

Вина по случаю выпито было немало. Филипп, как и его сотрапезники, не разбавлял чудесный дар Диониса водой, как обычно делали греки. Он часто опустошал чашу-килик, забывая закусывать; в голове с утра теснило. Но жалеть не приходилось – общение с друзьями дорогого стоит, всегда на пользу: или дружба будет крепче, или неверный друг во хмелю проговорится...

* * *

Македонские цари издавна домогались города Амфиполь, построенного на месте афинской колонии во Фракии за восемьдесят лет до описываемых событий. Его стратегическое значение определялось близким расположением к устью реки Стримон, что позволяло амфипольцам контролировать как сухопутный путь вдоль морского побережья, так и движение по самой реке. Его жители получали доход от добычи золота на расположенной поблизости горе Пангей, а на ближайших горах происходила заготовка в больших объемах корабельного леса, которым торговали с Афинами, способствуя росту могущества афинского военного флота. Именно такие обстоятельства позволили Амфиполю заявить о своей автономии, чем, естественно, Афины были не довольны. К тому же амфипольцы разрешили спартанцам, вечным врагам афинян, разместить у них небольшой военный гарнизон.

Аминте II, отцу Филиппа, удалось уговорить амфипольцев поставить у них свой небольшой гарнизон из македонских воинов – как остережение враждебным фракийцам. Но до прямого подчинения Амфиполя Македонии дело не доходило. А что Афины? Афиняне не

забыли обиды на амфипольцев, как и важность города для собственных стратегических планов. Поэтому Филипп придумал план, исходя из того, что сейчас афинянам некогда возиться с Амфиполем, поскольку завязли в противостоянии со Спартой.

Вначале молодой македонский царь прислал в Амфиполь Пармениона, опытного военачальника и умелого переговорщика. Парменион был на двадцать лет старше Филиппа, к тому же, оценив его военный талант, рассудительность и ум – редкие достоинства в царском окружении, царь доверял ему особые, «деликатные», поручения. Появившись в Амфиполе в качестве посла «доброй воли», Парменион объявил горожанам о намерении Македонии навсегда отказаться от притязаний на город. В доказательство вывел из города воинов македонского гарнизона. Радости амфипольцев не было предела! Затем Филипп отослал Пармениона в Афины с тайным поручением, в котором сообщалось, что Амфиполь не представляет ему никакого интереса. Мол, забирайте его себе, афиняне!

По этому поводу в Афинах объявили праздник – ведь Амфиполь достается афинянам без войны и прочих нежелательных действий, можно сказать, даром! Пармениона разве что на руках не носили. В благодарность Афины просили передать царю, что не будут возражать, если македоняне тогда завладеют Пидной в беспокойной для афинян области Пиэрия – другим поселением греков на фракийской земле. Афиняне также не возражали, если вслед за Пидной македоняне приберут к рукам ещё Дион, Гераклею и Метону – все греческие поселения, которые долго оставались без участия Афин в их жизни. Неожиданный «подарок» афинян в виде их собственного нейтралитета во Фракии устраивал Филиппа. Захватить их теперь не представлялось трудным делом – дело времени, потому что ни один из этих городов не имел ограждающих стен. А Пидна с удобной вместительной гаванью открывала Македонии доступ в Фермейский залив и дальше в открытое море.

Но когда афиняне, ободрённые секретными переговорами с македонским царем, послали небольшой отряд к Амфиполю, как к себе домой, ворота им не открыли! Всё произошло так, как предполагал Филипп: амфипольцы помнили слова Пармениона, что они вольны теперь распоряжаться своей судьбой сами. Вот и решили отстаивать свободу и независимость – и от Македонии, и от Афин! Афиняне обиделись на амфипольцев и попросили Филиппа... наказать непокорный город. Ну разве мог Филипп отказать Афинам?

* * *

Робкий рассвет пробивался сквозь плотную ткань палатки вместе с тишиной, создавая иллюзию умиротворённого покоя. Так бывает только перед грозой. А тишина на войне обманчива: лагерь вот-вот растревожится звуками побудок медных *туб*, окриков беспокойных командиров, ржаньем отдохнувших лошадей. Обычное многоголосие войны...

Палатка слегка содрогнулась под натиском свежего южного ветра, *левкомота*. Пробравшись через щель в дверном пологе, он заставил Филиппа поежиться. Затихли цикады, умолкли загадочно гукающие ночные птицы. Вдали прогорланил петух – это в армейском обозе; ему откликнулся другой, потом ещё и ещё – и вскоре громкоголосый хор известил македонское войско о начале нового дня. Увы, многие из этих петушков сегодня закончат жизненный путь в солдатских котелках наваристым бульоном...

Филипп потянулся к столику, где стоял глиняный кувшин-*орк*. Багрово-красный напиток, сохранивший свежесть ночной прохлады, дохнул ароматом слегка перезревшего винограда. Заел без особой охоты куском холодной свинины с блюда, оставленного от ужина. Никого из слуг и ординарцев звать не хотелось.

За палаткой слышалась лёгкая возня – в ожидании распоряжений царя насторожились слуги.

Филипп поймал себя на мысли, что сегодня или завтра некоторые из его воинов, кто сейчас нехотя пробуждается у погасших костров, потягиваясь и зевая, падёт от вражеской стрелы или меча. Расстанется с жизнью лишь потому, что царь прикажет сражаться с тем народом, кого он назовёт врагом Македонии. Нет, Филипп не желает своим воинам смерти, но, повелевая ими, побуждает их умереть... Человек сеет смерть своей жизнью, чтобы самому выжить: он должен убивать – животных, рыб или себе подобных. Вот и выходит, что богиня смерти Танатос – нужный атрибут жизни человека, а для воина присутствие смерти на поле битвы только обостряет восприятие жизни...

Сейчас должен прийти Хабрий, царский астролог и летописец, который каждое утро толковал сновидения Филиппа. Только ему можно было доверить царские тайны и веления богов.

Отец Хабрия служил писцом ещё у царя Архелая, это было почти пятьдесят лет назад. Он обучил сына наукам, какие знал сам, поэтому после смерти отца молодой Хабрий остался при дворе македонских царей. Полезный двору, он увлёкся философией, астрологией и математикой, познакомился с греческими мистериями, освоил науку жизни бога-врачевателя Асклепия. Заметив усердие и пылкий ум, ему доверили вести царскую библиотеку и делать ответственные записи на деревянных наощённых досках. Туда он записывал свои наблюдения за небом и звёздами, выдавая царской семье полезные советы и предсказания. Хабрий объяснял мальчику Филиппу, что такое астрология, ведя свои рассказы от создателей астрологии, месопотамских халдеев Борсипена и Орхена.

Когда Филипп стал царём, он не отдал Хабрия – юноша нуждался в мудрых наставниках. Хабрий, несмотря на пожилой возраст и низкое происхождение, стал царю другом. Но положением своим не злоупотреблял.

Мысли вернули Филиппа к Амфиполю:

...Если Амфиполь падёт, Македония обретёт не только господство над важными морскими путями. Отсюда проще диктовать условия Фракии и даже Афинам. В Греции давно вырубил лес, а Амфиполь обладает лесом в достатке. Без древесины афинянам невозможно развивать свой морской флот. В горах Амфиполя, говорят, есть ценные руды, золото, серебро, а царь Филипп мечтает о собственной золотой монете – как у персидских царей!

Мечты у Филиппа реальные! В пылу неуважения к нему как к царю варваров заносчивые афиняне не разгадали мудрёный замысел – поэтому, считай, упустили Амфиполь. Филипп до сих пор заверяет афинян в искренней дружбе, и Афины верят ему, или вынуждены доверять. О, не знают афиняне, что, если бы Олинф и Амфиполь объединили с Афинами усилия против Македонии, Филипп не стоял бы сейчас здесь с войском! Да и вообще, удержался бы он сам у власти при других обстоятельствах? А так македонский царь не даёт повода Афинам и союзным городам не только выступить вместе, но даже заподозрить его в неискренности – и всё по причине взаимного недоверия друг к другу.

Таков был блестящий и коварный по замыслу план Филиппа наступательного движения Македонии на интересы Афин во Фракии. После Амфиполя греческие города и поселения на фракийской земле, он был уверен, окажутся разобщенными и беспомощными против действий македонян. Остальную Грецию ожидает такая же участь – вот почему стенобитный «Баран» у Амфиполя прокладывает Филиппу дорогу к всегреческой славе...

Советник Хабрий

Послышался окрик стражи. Откинув полог, пригибаясь, вошёл человек высокого роста, щедедушный в плечах. Это Хабрий. На скуластом лице не заметно следов бессонной ночи, хотя дело происходило именно так – он посвятил время разглядыванию звёздного неба, составляя царю гороскоп на предстоящий день. Астролог принёс хорошую весть: дела у Филиппа пойдут успешно. Он услышал:

– Привет тебе, Хабрий!

Царь, продолжая сидеть на кровати полуголым, махнул рукой в сторону *диффа* – низкого стула напротив.

– Будь здоров, царь! – приветствовал советник. Непроизвольное дергание острого кадыка выдавало лёгкое волнение, которое он всегда испытывал при виде царя.

– Хабрий, ты убедил меня взять в жёны эпирскую княжну. Буду тебе благодарен, если ты не ошибся.

Филипп рассмеялся, выказывая благодушное настроение. Хабрий продолжил в том же тоне:

– Этого брака желают боги, царь, да услышат меня Зевс и Гера, покровительница семейных уз. Я лишь передал знамение.

– Ну. Тогда я подчиняюсь воле богов. – Филипп продолжал шутить, затем посерьёзней. – Брак с Мирталой мне действительно необходим. Вчера получил письмо от Антипатра, он призывает возвращаться в Пеллу, встречать невесту. Скажи, мой верный советник, как мне следует поступить? Оставить Амфиполь?

Хабрий пожевал тощими губами:

– Небо приветствует любые действия царей, если они не противоречат их желаниям. Но если ты хочешь знать моё мнение, скажу: невеста у тебя есть, а вот Амфиполя под тобой я пока не заметил!

Филипп, не ожидавший подобной вольности от старого советника, громко рассмеялся, насторожив чуткую охрану за пределами палатки.

– Ну, Хабрий, удивил! Не видит подо мной Амфиполь! Ха-ха-ха-ааа!

Царь утёр слезу. Хабрий осторожно вставил:

– Я говорю так, потому что верю в звёзды и сновидения. Расскажи, царь, что привиделось тебе сегодня во сне, и я развею сомненья, как поступать дальше.

Царь задумался, припоминая:

– Сначала я видел огромного орла, сидевшего на скале. Орёл взлетел высоко в небо, поймал поток воздуха и потом долго парил.

Хабрий соображал недолго:

– Сон твой к хорошему известию, царь. Видеть гордую птицу, орла, сидящего на скале, дереве или на ином возвышении, к добру. Потом ты видел орла в полёте, спокойном и свободном – это означает, что ты очень скоро обретёшь силу и большую власть, будешь недосыгаем для врагов. Боги извещают о твоих великих победах над врагами Македонии.

Филипп задумался. Он верил Хабрию, всему, что тот говорил, так как за полгода до Амфиполя у него состоялся разговор с советником. В тот вечер он пригласил Хабрия, чтобы поговорить о своих намерениях, в положительном исходе которых не был уверен. Он всегда так делал. Он спросил Хабрия о том, стоит ли портить отношения с Афинами, намереваясь воевать с греческими поселениями на фракийской земле. Хабрий решительно поддержал царя:

– Мне понятны твои устремления, царь. Помимо того, что новые приобретения открывают Македонии доступ к удобным гаваням на море, в местных горах есть золотые копи. Особенно богата гора Пангей: рассказывают, что, когда в тех местах проходят сильные дожди и

потоки размывают скалы, самородки уносятся вниз. Местные жители нередко выпаживают на своих полях такое золото.

– Твои слова радуют меня, Хабрий. О сокровищах Пангей я тоже слышал. Но как на Пангее оказались греки?

– Все началось с греков-переселенцев из Милета. Они пришли к Пангею пятьдесят лет назад. Но все погибли в стычках с местными племенами. После милетян там появилась колония греков из Фасоса. Они сумели войти в доверие к аборигенам, которые разрешили им не только строить город, но и добывать драгоценную руду. Но богатство фасосцев привлекло персов, потом и афинян.

– О, можешь не продолжать! Дальше история мне знакома: Спарта в союзе с фасосцами сокрушила афинское войско, после чего Афины потеряли контроль над Пангеем.

– Это так, мой царь. Потеряли контроль, но не интерес: с той поры они ревностно относятся к проявлению внимания каждого, кто появляется в этом регионе. В последнее время они следят за Македонией и за тобой, царь.

За палаткой разгоралась лагерная жизнь. Раздались жалобные звуки солдатской флейты-сиринги, перебрасываясь от одного отряда к другому; за ней послышался громкий стук барабана-тимпана и стоны тубы: командиры объявляли отрядам сбор.

Без стука, почти ворвался Темен, совсем юный командир, любимец царя, как и Леоннат. Пот на лице, грязь на доспехах свидетельствовали о быстрой скачке на коне. Он только что прибыл от Амфиполя. Юноша выпалил с нескрываемой радостью:

– Амфипольцы согласны открыть ворота! Со мной их переговорщики!

Филипп резко вскочил с постели, на которой сидел до сих пор. Кинулся к юноше, поцеловал в губы, прижал к груди. Крикнул слугу – облачаться: позолоченный шлем, бронзовый нагрудный панцирь, нарукавники, поножи. Пока поспешно одевался, слушал рассказ Темена. Оказывается, ночная «работа» осадного тарана дала ожидаемый результат: стена разрушилась; туда уже могли проникнуть македонские воины. Ждут приказа. Амфипольцы решили не ждать штурма, запросили пощады.

Филипп, едва приведя себя в достойный для царя вид, вышел из палатки. Крикнул:

– Коня!

За ним из палатки торопливо выбрался Хабрий.

– Царь! Я тебе не всё поведал!

– Невелика беда! Мне уже всё ясно! Вот она – моя победа, предсказанная богами в моём сне!

Царю подали неосёдланного коня (греки седел не знали), породистого коринфского *самфора*. Он легко вскочил на круп, нетерпеливо толкая бока сильными ногами, и с гортанным радостным выкриком «Элелей! Элелей!» направился к выходу из лагеря. У македонян огнеглазый Элелей – бог войны, с его именем они всегда шли в бой на врага. Темен рванулся вслед за ним.

Леоннат, обычно находившийся рядом с царем, на этот раз замешкался.

– Ты куда, Филипп? – только успел он спросить, высунув голову из своей палатки.

– Я в Амфиполь! А ты разберись с переговорщиками: никаких условий – только сдача! Иначе смерть всем жителям!

Дав повод коню, царь помчался среди палаток и дымящихся солдатских костров. Телохранители и гетайры, привыкшие к неожиданным поступкам царя, поспешали вслед на бодрях конях. Догнали у Амфиполя. Филипп был счастлив – это был первый греческий город, готовый унизиться перед Македонией. Впереди такую же участь ожидала остальная Греция!

Пир победителей

В пыльных панцирях и шлемах, с мечами на перевязях и копьями на плечах от Амфиполя в Македонию возвращалось войско победителей. Легкораненые воины, ухоженные заботливыми лекарями, плелись по одному или группами, помогая друг другу; сильно увечные тесно лежали в больших плетёных коробах, поставленных на боевые колесницы. Безразличные ко всему воле, жуя травяную жвачку и роняя липкую слюну, тянули повозки, загруженные добром амфипольских граждан.

Филипп появился в городе, жителей которого он жестоко обманул в обещаниях: сильных и здоровых обратил в рабов, остальных, кто был замечен с оружием, предали смерти – в наказание другим, кто вознамерится сопротивляться македонскому царю.

В отличном настроении царь с военачальниками направился к огромному дубу, одиноко стоявшему на взгорке. Под его разлапистыми ветвями слуги поставили просторный павильон, где всё было готово к пиру. Царские повара и слуги знали, что последует за взятием города. Филипп соскочил с коня.

– Всё! Конец Амфиполю! Празднуем победу!

На столах золотом отсвечивали праздничные чаши, которые прислуга бережно вызволила из походных корзин. Чеканные тонкой работы *кратеры* призывали налить благоуханного кипрского вина. Из-под крышек бронзовых блюд сочился запах жареного мяса, приправленного божественно пряным диким укропом, *сильфией*. Сбросив доспехи, оставшись в одном льняном *гиматии*, Филипп облегчённо вздохнул.

Начинался пир победителей. Военачальники умили боевой пыл, смолкли, ожидая слов царя. Голос Филиппа зазвенел от торжественности и нахлынувших чувств:

– Друзья мои! Полней наливайте чаши, отпразднуем победу!

* * *

Застолье продолжалось. Никто не оставлял столы, наоборот, участников становилось всё больше, поскольку с дальних позиций прибывали новые командиры. В павильоне становилось тесно. Филипп распорядился устроить отдельный стол невдалеке, куда пригласил ближайших друзей – Леонната, Пармениона, Полисперхонта. С этого места просматривались горизонты – вот Амфиполь, за ним Пидна, Потидея, Олинф... Где-то там Метона и греческие города богатой Фессалии...

Мимо пригорка, на котором находился царь с товарищами-*гетайрами*, вели пленников, связанных длинной веревкой. От усталости и огорчения они едва волочили ноги. У строптивых на ногах звенели металлические *кандалалши*, на шеях – кожаные ремни. Их приготовили для отправки на рудники – страшная для свободного элина участь. Неожиданно один из пленных, заметив Филиппа, небрежно развалившегося на раскладном стуле, крикнул:

– Эй, царь, отпусти меня, а я скажу, чего ты не знаешь!

Филипп настолько удивился неожиданному предложению, что отвлёкся от застолья, обратил на пленного внимание. Царь поднял руку, охранники остановили колонну. Человека подвели близко, держа за руки.

– Ты осмелился потревожить меня пустыми речами. Говори, что знаешь, амфиполец презренный.

Пленного не смутило, что видит перед собой царя. Краешком губ он улыбался, видимо, по природе своей был большим весельчаком!

– Я друг твой, царь Филипп! Если захочешь – узнаешь, что я говорю правду!

– Как мне узнать это, несчастный?

– А ты допусти меня к своей особе – скажу!

Филипп, продолжая удивляться дерзости странного человека, поднял брови. Желание развлечься пересилило осторожность. Кивнул страже. Пленного отпустили. Кто был рядом с царём, с интересом наблюдали за происходящим. Стражники держали руки на мечах. Человек сказал с той же хитроватой улыбкой:

– Филипп, тебе никто не посмеет сказать, даже самые близкие друзья, а я не побоюсь. – Он наклонился к уху царя, прошептал: – Сидишь ты неприглядно, царь, и срам свой показываешь. Не смехи людей, одерни хитон!

Царь вначале опешил, потом глянул вниз и действительно увидел. . . Оказывается, удобно развалившись на походном троне и сидя на возвышении, он не мог знать, что невольно показывал детородный орган, чем смешил всех, кто проходил мимо. А царю неприличие своё показывать нельзя, тем более пленным! Филипп оправил хитон, оставшись в размышлениях – как поступить теперь с пленным. Во-первых, его озадачила дерзость пленного. Во-вторых, этот человек назвал себя другом царя. Лицо Филиппа некоторое время выражало лёгкую растерянность, наконец на нём появилась улыбка. Царь весело хлопнул по плечу смельчака:

– Ты действительно мне друг! Скажи своё имя, амфиполец.

Не отводя взгляда, пленный ответил:

– Я не амфиполец и не воин.

– А кто же ты, если тебя ведут в одной связке с моими врагами?

– Имя моё Хейрисофос. Я случайно оказался в Амфиполе и я не воевал против тебя, царь: при мне не было меча, когда меня схватили твои воины.

– Тогда кто ты и что делал в Амфиполе?

– Я из Коринфа, там моя семья и могилы моих предков. А в Амфиполе я издавна продаю коней из нашей местности.

– У тебя имя настоящего элина – Хейрисофос, «Золотисто-жёлтый», это о твоей голове? – Филипп имел в виду ярко рыжие волосы, редкий окрас для грека. – Ты любишь коней?

Коринфянин склонил голову перед царем:

– Да, царь, люблю и хорошо знаю их нрав. Мне известно, что ты большой знаток этих благородных животных, и имя твоё не зря Филио-гиппос – «Любящий лошадей».

Филипп услышал слова, порадовавшие его. Амфиполь повержен, вина выпито немало, а встреча с необычным пленным могла его позабавить.

– Ты прав, коринфянин, у меня лучшие во всей Греции кони. Греки пока об этом не знают, но я докажу победой на предстоящих Олимпийских играх. Ты веришь мне, Хейрисофос?

Царь назвал пленного по имени – добрый знак. Коринфянин кивнул рыжей головой и, почувствовав расположение к себе, поспешил закрепить успех:

– Позволь мне, царь, до конца быть честным с тобой. Я верю, что кони твои быстры и они могут победить всех соперников в состязании колесниц. Но на вольных пастбищах моего Коринфа пасутся кони с родословной от самого Пегаса и больше – от бешеных коней повелителя морей Посейдона. Да наберётся позору наездник, кто осмелится состязаться потом с твоими конями! Если позволишь, я добуду для тебя пару-другую могучих красавцев.

Филипп окончательно пришёл в восторг, как от предложения, так и от разговора с неожиданным интересным коринфянином. Царь знал легенду о том, что первые кони в Греции появились на зелёных пастбищах Коринфа, где предки греков приручили дикарей, сделали помощниками.

– Ты мне нравишься, Хейрисофос! – Царь обернулся к сотрапезникам, наблюдавшим с весёлым любопытством за развитием событий. – Он смелый человек, если говорит то, что думает!

Снова глянул на пленника, уже с большим интересом.

– Ты лошади, говоришь?

– Да, это так, мой царь.

– Тогда скажи, чьи кони лучшие – степные или те, что у персов, или же ваши, коринфские?

– О царь, ты спрашиваешь меня о том, о чём следует говорить только в кругу друзей. И то лишь, когда чаши с густым кипрским вином ходят по кругу, поются благодарственные *пеаны* в честь Аполлона. Поверь, о конях я знаю все!

Филипп захохотал, обнажив в улыбке крупные белые зубы.

– Ну, застолья я тебе не обещаю – как видишь, у нас и без тебя тесно. – Он шутливым жестом показал на павильон. – Но чашу тебе преподнесут. Заработал! Эй, вина Хейрисофосу!

Подбежал виночерпий, подал коринфянину чашу, налил доверху. То ли руки дрогнули у него, то ли слуга перестарался, но несколько капель пролилось через край. Пленник ловко поймал их на лету ладонью, которую затем облизал. Ничего не укрылось от царя – коринфянин ему явно понравился: он с улыбкой наблюдал за тем, как опустошается чаша с вином – медленными глотками, что всегда достойно эллина.

– Поверь, царь, о конях я знаю больше, чем кто-либо. – Хейрисофос вытер влажные губы ладонью. – А как иначе? Ведь, покупая и продавая коней, я отвечаю за их родословные, истории и судьбы предков.

На мгновение Хейрисофос умолк, словно убеждаясь, интересен ли будет его рассказ. Увидел, что царь слушал с заметным вниманием.

– О быстрых конях жителей северных степей – скифов, впервые узнал царь персов Дарий, когда осмелился войти в их необозримые пределы. Это случилось много лет назад. Скифы, стремительно разъезжая на быстроногих рослых конях, так измотали армию персов, что Дарий с позором отступился. Степные воины, уклоняясь от навязываемых им сражений, лихими наездами нападали на обозы и тяжёлую пехоту.

– Да-да, ты прав, я знаю об этом. А знаешь ли ты, что скифские лошади пугались криков мулов и ослов персидской армии, не виданных в тех краях?

– Нет, слышу впервые. Вот почему кони скифов не очень приспособлены к греческой земле. Есть еще кони у сарматов, царь, врагов скифов: они в холке немногим меньше роста человека, но быстрые в беге. Гнедой масти и с тёмными копытами, что даёт преимущество перед остальными.

– Это почему же?

– А ты не замечал, царь, что, если у лошади копыта темные, они меньше подвержены трещинам и сбиванию, чем светлые копыта? Я знаю ещё, что своих коней сарматы кастрируют, иначе жеребцы становятся агрессивными, что свойственно их породе. Иначе с ними бы не справились.

– Да, я слышал о тех конях; говорят, что из них сарматы составляют тяжёлую кавалерию, одетую в доспехи, – всадник и конь. А персы, каких коней они выбирают?

– У любого персидского военачальника обязательно имеется лошадь нисейской породы, рослая и выносливая. Она имеет большую голову со смешным горбатым носом, у неё толстая шея и хорошо сложенное тело, способное нести своего хозяина в тяжёлых доспехах длительное время.

– Что за места такие – Нисея?

– Царь, это в Мидии на Нисейской равнине, где почти круглый год растут сочные травы. Там персидские цари держат табуны племенных кобылиц, жеребят от которых раздают приближённым по своей воле. Вот почему у персов популярны в войсках тяжёлые кавалеристы, в защитных панцирях и оружии.

– Ты не так прост, Хейрисофос, если понимаешь в военном ремесле! Но соглашаюсь с тобой насчёт персов – к ним давно присматриваюсь – конница у них отменная. Я заметил, как они защищают лошадей толстыми передниками, прошитыми металлом, снабжают наголовниками и нагрудниками. Но ты ничего не сказал о греческих конях – неужели так они плохи?

– Если иметь в виду коней в царских конюшнях, где они кушают зерно в собственных кормушках, они отменные. Но откуда в Греции возьмутся свои кони, если для них нет вольных пастбищ – всюду горы?

– А пастбища в Фессалии? – возмутился Филипп. – Они хороши, как и кони оттуда!

– Согласен! И в Беотии есть немного просторных лугов, их используют фивяне, и на Эвбее. Но я имею в виду всю Грецию. Ты же, царь, обратил внимание, что ни один греческий город не может похвастаться хорошей конницей? А всё потому что их просто нет, породистых греческих коней, несмотря на внешний эффектный вид, с прекрасной головой и надменной осанкой. У них, пожалуй, не хватает выносливости, выдержки. Вот такая беда!

Хейрисофос вздохнул, будто сам оказался виновным в природных недостатках греческих коней. Понимая, что разговор с царём подходит к концу, умолк, ожидая своей участи. Неожиданно Филипп вскочил со стула и обнял его.

– Твои знания достойны свободного эллина! – вскричал он. – Я прощаю тебя! Эй, отпустите его!

Филипп дал знак виночерпию, крикнул:

– Налей ещё вина моему другу Хейрисофосу из Коринфа! На этот раз пусть большой знаток коней выпьет из моего большого царского кубка!

Все, кто видел и слушал их разговор, с интересом ожидали ещё одного развлечения. Принесли царский *керас* – сосуд, сделанный из большого рога с головой горного барана, в обрамлении серебряными накладками. Наполнили вином из кожаного меха, не смешивая с водой, – по-скифски. Коринфянин осторожно принял керас от царя в обе руки и приложился к краю; пил не отрываясь, и, всем показалось, легко. Лишь острый кадык выдавал усилия справиться с огромным количеством вина. Но за все время на пропылённое одеяние коринфянина упало всего несколько кроваво-красных капель.

Македоняне, истинные ценители шумных застолий и дружеских пирушек, уважали такую манеру винопития – *апневисти*, что означало: «не переводя дух». Когда рог оказался пустым, коринфянин опрокинул его и так поднял над головой. Восторженные выкрики сотрапезников убедили царя в том, что неожиданное развлечение пришлось по вкусу всем. Глаза его подобрели. Он дружески обнял коринфянина и провозгласил:

– Оставь керас себе! Дарю на память о нашей встрече!

Хейрисофос не ожидал подобного исхода своего пленения; вино уже брало верх над его сознанием, утомлённым трагическими переживаниями. Царь, будто радуясь возможности показать широту своей доброй души, сказал:

– Еще я скажу, Хейрисофос, что дарю тебе не только жизнь.

Он снял с пальца серебряное кольцо с вправленным огромным прозрачным топазом золотисто-жёлтого цвета. Показал всем, высоко вознеся руку с кольцом.

– Этот камень чист и прочен, как моя дружба с людьми, честными со мной. Он из копей Забергета в жаркой Аравии, а гранили камень в Финикии. Дарю его тебе, Хейрисофос, и цени мое доверие!

Было заметно, как Филиппа тронула случайная встреча с Хейрисофосом. Он разглядел в нём человека, которого позже назовёт своим другом – по его делам и помыслам, с кем не желал расставаться всю жизнь. Он дружески приобнял его, затем оттолкнул.

– Ты свободен, Хейрисофос! Делай, что хочешь, езжай, куда пожелаешь. Но я жду тебя в Пелле. Во дворце найдётся хорошее дело для тебя! Отправляйся в Македонию, покажи кольцо моему другу Антипатру.

Затем Филипп, уже не слушая Хейрисофоса, который захлебывался в ответной благодарности, повернулся к сотрапезникам. Протянул смазливому на лицо виночерпию ритон; выпил не отрываясь – тоже апневисти...

* * *

После Амфиполя македонский царь собирался возвратиться в Пеллу, как обещал Антипатру. Его друг и советник чуть ли не каждый день присылал гонцов с сообщениями о Миртале. В письмах сквозила дружеская озабоченность: «Невеста выезжает, радуйся!»... «Миртала на днях будет в Македонии, приезжай!»... «Встречаю Мирталу в Пелле! Красавица!» и, наконец, по-настоящему кричащее: «Невеста в Пелле!»...

Но Филипп никак не мог оторваться от дел во Фракии, оправдываясь перед самим собой неотложными военными и дипломатическими заботами. Они держали его мёртвой хваткой, не допуская изменений из-за каких-то там свадебных мероприятий...

Почти ежедневно собирался военный совет из гетайров, товарищей и военачальников царя. На совете любой мог свободно, без оглядки на царя и родовитость соратников, высказываться о предмете, какой считал нужным, не беспокоясь о последствиях, если его предложение или высказывание вдруг не будет принято. Македонские обычаи допускали подобное поведение приближённых царя, потому что царь, даже имевший сильную власть, считался лишь первым среди равных.

Как и предполагал Филипп, торжествовать по поводу обретения Амфиполя пришлось недолго. Афиняне поняли, что Амфиполь, завоёванный с таким трудом, македонский царь по добромому не отдаст, а потеря важного города в морской стратегии явилась наглядным унижением Афин в глазах Греции. Филипп нервничал в ожидании ответных шагов и самого худшего варианта – военной коалиции Афин с Фивами, обычно непримиримых соперников по гегемонии. Македонская армия пребывала в тревожном ожидании, поэтому у Филиппа не было возможности вернуться в Пеллу даже на два-три дня.

Лев в засаде

Царь Филипп в последнее время не зря тревожился, ожидая военных действий со стороны Афин в отношении его планов во Фракии. Афиняне терпеливо выжидали, когда их македонский «друг» всё-таки передаст Амфиполь под их покровительство. Но Филипп не торопился этого делать. Местных жителей в городе почти не осталось, теперь сюда съезжались переселенцы из неблагоприятных для проживания областей Македонии, которым не терпится занять брошенные дома и земельные участки. Кому не захочется найти пристанище у самого синего моря? Используя благоприятный момент, растерянность Афин, молодой царь бесцеремонно занял следом Пидну, притом что Афины опять сделали вид, будто ничего страшного для них не случилось. Наконец, сообразив, что Филипп не отдаст им Амфиполь, как и остальные обретенные недавно города во Фракии, афиняне приступили к решительным, на их взгляд, действиям. Но начали с уговоров и увещаний, переходящих в угрозы, намекая, что война с Македонией неизбежна.

Филипп не желал такого развития событий. На последнем военном совете первым беспокойство высказал Парменион, самый опытный из командиров:

– Опасность войны с Афинами настолько велика, что нам следует сделать дополнительный набор в войско. Македонии следует опасаться военного союза Афин с городом Олинфом, расположенным на Халкидском полуострове.

Остальные военачальники тоже разделяли озабоченность Пармениона. Олинф представлял собой греческую колонию, насчитывающую десять тысяч жителей. За короткое время олинфяне сумели объединиться военным союзом с другими городами на Халкидике – Аканфом и Аполлонием, что позволило им не бояться ни Афины, ни Спарту, ни Македонию. Они были готовы любыми путями отстаивать свою независимость.

– Ты прав, Парменион, – отозвался Филипп, – но причин для беспокойства у меня нет. Граждане Олинфа спокойно наблюдали за нашими действиями, пока мы занимались Амфиполем. Они считали выгодным для себя не вмешиваться, когда убирают их конкурента по морской торговле. Они и дальше будут так себя вести! Мы и в дальнейшем будем надеяться на такое поведение с их стороны, разберёмся с каждым городом на Халкидике в отдельности, пока не придёт черёд Афин.

Царь хитро прищурил глаз, наблюдая за соратниками. Парменион опять не удержался, высказался:

– Филипп, почему ты уверен, будто олинфяне останутся безучастными ко всему, что станет делать македонское войско на Халкидике? Они быстро поймут наши устремления и начнут действовать.

– Я уверен, Парменион, что Олинф не предложит Афинам военный союз ради войны с нами. Олинфяне понимают, что за этим последует: придётся уступить свои права на Халкидику в пользу афинян. Нет, пока в Афинах будут верить моим заверениям в дружбе, ни один из греческих городов не посмеет предпринять военных действий против Македонии. Афиняне вот уже и Пидну предлагают взамен Амфиполя. Пусть надеются до тех пор, пока у нас хватит осторожности не возбуждать Афины против нас. Если, конечно, у афинян хватит терпения!

После памятного совета с военачальниками македонский царь послал Пармениона в Олинф с призывом к сближению с Македонией. Обещал подарить олинфянам греческое поселение Анфем, которое предстояло завоевать македонянам. Царь знал, насколько был желанным для Олинфа этот город у Фермейского залива. Олинфяне, услышав о заманчивом предложении, заколебались в своей верности Афинам, но не решались предать их. Тогда Филипп пообещал в придачу к Анфему ещё Пидну и Потидею – ключ-город, замыкавший полуостров Паллену. И свершилось – Олинф рассорился с Афинами! Только тогда афиняне обнаружили, что

Македония вытеснила их из Халкидики, прежней зоны их влияния, практически без войны. В ответ срочно снарядили депутацию в Пеллу, чтобы на месте убедиться в коварстве македонского царя. Или урезонить его, обвиняя в том, что он поступает совсем не так, как обещал.

Но в Пелле царя не оказалось. Афинянин радушно встречал вежливый советник Антипатр. Он разводил руками, просил подождать, пока царь вернётся с охоты, которую затеял во фракийских горах.

Афинскую делегацию продержали обещаниями в Пелле почти месяц, после чего она вернулась домой ни с чем. Граждане в Афинах возмутились неуважению царя Филиппа, отослали в Македонию других делегатов, серьёзных и уравновешенных людей, знатных политиков и ораторов. Увы, и этим делегатам не удалось повидаться с неуловимым македонским царём. Оказывается, он вчера был ещё в Пелле, а сегодня, извините, поутру неожиданно отбыл по делам... Когда вернётся – неизвестно. Такова была новая тактика, избранная Филиппом, приносившая ощутимые материальные выгоды для Македонии и весомые политические плоды малоизвестному македонскому царю.

Теперь ничто не сдерживало его действий в отношении расширения македонского влияния во Фракии. Он брал то, что желал. Вырвал «из-под афинян» Пидну, продемонстрировав пренебрежение ранее достигнутым договорённостям. Поссорившись наконец с Афинами, Филипп заключил важный во всех отношениях военный союз с Олинфом, за что предоставил олинфянам право обладания портовым городом Анфем. Македонии открывалась дорога за пограничную реку Стримон с необозримыми фракийскими просторами. Туда, где находилась легендарная гора Пангей (совр. Пилаф-Тепе), откуда в кладовые Филиппа потекут золотые и серебряные реки. А он знает, как распорядиться таким богатством!

Ночная беседа

Усталый, но довольный результатами смотра войска, Филипп появился в лагере только к ночи. Разоблачился в палатке и подставил пыльное лицо под струю прохладной воды из кувшина, принесённого слугой. А когда тот налил в большой медный таз почти что кипятка из другого кувшина, присел на кровать и с наслаждением опустил в таз уставшие ноги. Так советовал лекарь.

Сегодня Филипп получил ещё одно послание от Антипатра. Верный друг настаивал на его скорейшем прибытии в Пеллу. Не только ради свадьбы – скопилась масса неразрешённых государственных проблем, с которыми Антипатр не мог справиться без участия царя. Филипп ещё раз перечитал письмо. Задумался. Нет, возвращаться в Македонию не было никакого резона – Фракия не отпускала.

Слуга принёс поднос с ужином, без кулинарных излишеств: кусок жареной свинины, приправленной пряностями. Вино из деревенского кувшина добавило телу приятного состояния. И хотя горячая вода в тазу взбудрила его, усталость всё равно давала о себе знать. Хорошо, если никто его не потревожит. Никого не хотелось видеть.

Но в одиночку трапезничать царь не любил. Решил пригласить Хабрия. С ним не будет скучно... Да, нужно позвать Хабрия!

Когда старый советник пришёл, Филипп заметил по его лицу, что тот рад неожиданному вызову. Хабрий любил посещать царя, когда тот не был занят важными делами. В такие моменты советник мог проявить себя с лучшей стороны. Имея в виду столь поздний час, сегодня он уже не надеялся на встречу.

Царь предложил ему раскладной стул, показал на блюдо, стоящее на низком походном столике.

– Бери чашу, Хабрий, наливай и пей. Ужин мы с тобой сегодня заслужили.

Филипп подыгрывал старику, располагая его к откровенному разговору. Боевых заслуг у Хабрия не было, но незримая тень мудреца витала над большими и малыми победами македонского царя. Филипп об этом помнил.

Советник с удовольствием принял приглашение, взял свободную керамическую чашу. Налил вина доверху, выпил неторопливо, до дна, будто утолял обычную жажду.

– Теперь поешь мяса. – Филипп явно угощал Хабрия, что было не совсем привычно в отношении придворного. Но таков был Филипп в общении с верными ему людьми. Откинувшись на стуле, он выждал, когда Хабрий дожует, затем сказал:

– Хабрий, я рад тебя видеть! Мне захотелось поговорить с тобой вот о чём. – Царь говорил медленно, подбирая каждое слово. – Если не возражаешь, я буду тебя спрашивать о философских предметах. Не возражаешь?

Хабрий кивнул головой.

– Тогда ответь на, казалось бы, простой вопрос: что есть народ для царя?

– Мой царь, люди в Македонии и есть твой народ. Народ можно увидеть даже там, где его нет, а можно не замечать вообще. К примеру, царская колесница. Она состоит из спиц, колес и прочих простых предметов. Если колесницу разобрать по частям – не будет колесницы. Части колесницы и есть твой народ. Поэтому царю должно быть не безразлично, как живёт его народ, все действия царя должны быть направлены на улучшение состояния жизни своего народа. Прости меня, царь, но это так должно быть.

– Я согласен с тобой, что без народа не будет страны. Но не забывай, что народ есть низкая подставка для ног, которая нужна царю, сидящему на троне. Этот же народ является основой для знатных и богатых, следовательно, низкое есть основание для высокого. Я правильно рассуждаю, мой Хабрий?

– Правильней не бывает, царь! Пусть будет так, как ты сказал – откровенно и с пользой для нас обоих.

Филипп, довольный собой, снова налил вина – на этот раз себе и Хабрию. Когда испил чашу, продолжил:

– Слава Зевсу, с народом мы разобрались. А что говорят философы о хороших и плохих царях? – Филипп прищурил глаз, вызывая советника на откровенный разговор, допустимый только между близкими друзьями. – Говори, что думаешь, Хабрий, я сегодня добрый!

– Лучший правитель, я знаю, тот, кто правит естественно.

– Что значит твоё – править естественно? – удивился Филипп.

– Это когда правитель сидит на престоле, а народ даже не знает его в лицо, но знает, что он всё равно есть. Такому правителю народ может довериться. Кто самый лучший правитель? Кто вдумчив и сдержан в словах, совершая государственные дела. Правители делают большую ошибку, когда желают, чтобы народ их любил. В проявлении народной любви они видят своё предназначение, стараясь, чтобы эта любовь никогда не проходила. От таких правителей не следует ожидать ничего хорошего, о них быстро забывают, когда на смену приходит другой.

– Вот здесь я не согласен с тобой! – возмутился Филипп. – Народ должен бояться своего правителя, бояться и уважать.

– Да, есть правители, которых народ боится, но это очень плохо для государства. Но ещё хуже, когда народ презирает своего правителя.

– А меня к каким правителям ты причисляешь? – Филипп выжидающе заглянул в глаза Хабрия, хотя догадывался, каков будет ответ.

– Ты только начинаешь, мой царь – тебе выбирать, каким ты покажешься своему народу! – уклончиво ответил Хабрий.

Филипп не стал настаивать, но задал ещё вопрос:

– А война, на пользу война народу?

– Македонии война полезна, если принять во внимание, сколько страданий принесли ей враги. Но помни, царь, кто покоряет другие народы, накликает беду на свой народ, ибо униженные и покорённые находят в себе силы возродиться. Пример тому – Македония, которая при твоём царствовании воспрянула духом.

– Ты прав, Хабрий. Война ставит всё на свои места – она определяет, за кем сейчас сила, а кто слаб.

– Воюй, царь, с врагами Македонии и побеждай их, но беда в том, что можно провоевать всю жизнь. Правитель, начавший войну, должен знать конечную цель. Потому что там, где ступит нога воина, будут расти лишь терновник и колючки. После войн наступают голодные годы. Когда в стране долгий мир, домашний скот унавоживает землю, и пахарь собирает хороший урожай. Когда страна воюет со страной, боевые кони противоборствующих сторон пасутся на хлебных полях, фруктовые деревья вырубаются на костры воинам, а города и поселения обезлюдывают. От насилия происходят только несчастья, благополучие же создается уважением, а не насилием...

– Постой! – Филипп подскочил со стула. – Выходит, я не должен воевать?

– Я не говорил этого. Но если хочешь слыть мудрым правителем, старайся споры уладить миром, а во время мира стремись этот мир продлить как можно дольше. Если спор с противником можно завершить миром, предпочитай уступчивость в переговорах, не притязай на лишнее, что тебе не принадлежало никогда, и не будь воинственным ни в разговорах, ни в действиях. Но на войне, когда других решений принять тебе уже не приходится, становись непоколебимым ради своей благородной цели, когда к этому тебя вынуждают государственные обстоятельства...

Филипп согласно закивал головой; расправил широкие плечи, показавшиеся Хабрию необъятными, словно немедленно собирался сразиться с врагом. Было заметно, что слова Хаб-

рия падали на благодатную почву: Филипп добрел лицом и стал более походить на прилежного ученика, слушающего с обожанием мудрого наставника. Да, собственно, так оно и было, потому что Филипп с юности любил учиться мудрости жизни, а Хабрий возрастом и жизненным опытом как раз подходил для этой роли. Но теперь, ободренный вниманием и почтением царя, Хабрий в рассуждениях пошёл ещё дальше:

– Главное для правителя – это доверие народа. Тот правитель заслуживает доверия народа, кто много не обещает, но делает много.

– Вот в этом, Хабрий, ты, безусловно, прав – я не буду много обещать македонянам, но сделаю многое, чтобы поднять Македонию с колен. Сил у меня для этого достаточно. Вот только денег, ты знаешь, на войну никогда не хватает.

Хабрий, услышав слова царя, загадочно сощурил глаз.

– Если позволишь, дам совет.

Филипп удивился:

– У персов есть хороший обычай: когда придворный подает царю советы, он становится на золотую дощечку. Если совет одобряется, советчик получает её в награду. Ну а если совет не подходит царю, его больно бьют плетьюми. – Филипп, довольный шуткой, рассмеялся. – Ты только что наговорил столько дерзостей – ни один царь не позволяет себе слушать подобное. А потом спрашиваешь дозволения рассказать секрет, как мне быстро разбогатеть. Ну, говори, если знаешь дело.

– Ты, наверно, помнишь, царь, что по поручению отца твоего, Аминты, я не раз бывал с посольством в Афинах. Пока другие выполняли царское поручение, я зря времени не терял – мне было интересно узнать, отчего Афины имеют преимущество перед другими государствами. Персов при Марафоне сокрушили афиняне, и даже Спарта вынуждена считаться с Афинами, и остальные города всегда напрашиваются в союзники, становясь для афинян чуть ли не подневольными. В чём секрет Афин? У афинян всегда были и есть деньги, источник же, можно сказать, неиссякаемый – Лаврионские рудники на юге Аттики, где добывают хорошей чистоты серебро.

– Я знаю о Лаврионе. – Царь оживился. – Я слушаю тебя со вниманием.

– Доходы с рудника огромные – сто *талантов* в год (3600 кг)! Эсхил говорил, что Лаврион напоминает фонтан, изливающийся на каждого афинянина серебром. Было время, когда рудники захватила Спарта. Вот тогда пошатнулось афинское могущество, хозяйство пришло в расстройство. Пришлось Афинам приложить усилия, чтобы вернуть свой «фонтан». И потом афинский полководец Фемистокл разбил могучий флот персов своим флотом, построенный на серебро Лавриона.

Филипп с раздражением прервал поток его слов:

– Советник, зачем ты отнимаешь у меня время, рассказывая о том, что не принадлежит Македонии? Я не собираюсь воевать с Афинами за Лаврионские рудники!

– Не нужно воевать с Афинами за Лаврион. Я говорю о том, что разработка рудников оказалась великолепным подспорьем для афинской казны, главной опорой власти. Рудники передавались в аренду любому афинянину за один талант и двенадцатую часть добываемого серебра в год. Для государства никакого риска – но прибыль для обеих сторон высока. В рудниках работают рабы, государственные и наёмные. Некоторые хозяева рабов, а их у многих арендаторов до тысячи, сдают в аренду своих рабов, получая по *оболу* (1 г серебра) в день за каждого. Наниматель обязан вернуть хозяину всех его рабов после окончания срока договора аренды в полном здравии, в каком их получил. Чем не гарантия хозяину рабов от всяких потерь – от болезней или бегства рабов? Вот тебе, царь, пример правильного использования горных недр и рабов в интересах государства и народа. Многие афиняне сколотили огромные состояния, делая общественную пользу для Афин. Богатый народ – богатая страна!

Царь со вниманием посмотрел на Хабрия:

– Я понял тебя, мой мудрый советник. Нет надобности, македонянам идти на Лаврион. Наш путь лежит на Пангей. Мы прогоним оттуда афинян и завладеем рудниками! А золотой ключ откроет ворота любого греческого города.

– Ты прав, царь! Афинам сейчас не до Пангей, а тебе – по силам!

Филипп впал в раздумье, поглаживая небольшую волнистую бороду, не обращая больше внимания на собеседника. Глубокая морщина пересекла лоб. Молчание со стороны царя затянулось, после чего Хабрий понял, что ему пора уходить.

Глава 4. От Македона до Филиппа

Карта Ойкумены

Задолго до восшествия на престол молодого царя Филиппа Македония имела доступ к морям – Ионическому, Эгейскому и даже к Понту Эвксинскому, или Чёрному морю. Из-за грубых политических просчётов и военных неудач прежних правителей она растеряла былое могущество, а её влияние среди греческих государств заметно умерилось. Страна оказалась запертой на пространстве, ограниченном горами, между реками **Галиакмон** (совр. Быстрица), **Лудий** (совр. Карасмак), **Аксий** (совр. Вардар) и **Стримон** («Водная стремнина», совр. Струма). Последняя отделяла Македонию от враждебной Фракии, из которой вооружённые группы неоднократно заходили в глубь македонской территории, сжигая и грабя сельские поселения, увозя жителей в рабство, или даже присваивали земли и охотничьи угодья в качестве военной добычи. За Стримоном начиналась чужеземная местность **Эдония** с городами греков **Амфиполь** (совр. Неохория), **Крениды** (совр. Филиппы) и **Апполония** (совр. Влёра); дальше – **Халкидика** с главным городом **Олинф** (совр. Айо-Мамас).

Природа распорядилась, чтобы страна естественным образом разделилась на две неодинаковые части: **Верхняя Македония** – горная местность с неблагоприятными природными условиями и, соответственно, суровым характером жителей; **Нижняя Македония** – равнинная и благоприятная по всем природно-климатическим параметрам. В горной местности главенствовали две труднодоступные области: **Орестίδα** и **Линкестίδα**. В равнинной части находились **Элимея** и **Пиерия**. Из всех рек македонские цари выбрали судоходный **Лудий**, выстроив в ста двадцати **стадиях** (1 ст = ок. 200 м) от устья новую столицу **Пеллу** («Камень-скала», совр. Айо-Апостоли). В ней родился Филипп, и это обстоятельство призывало его, когда он стал царём, сделать Пеллу прекраснее всех других городов Македонии и даже Греции.

Македонянам повезло, что на их земле возвышалась священная для всех эллинов гора **Элимпос** (Олимп), где, согласно мифам и легендам, жили боги. К востоку от Олимпа расположились исторические области **Пеласгиотида** и **Пэония**, заселённые некогда древними племенами **пеласгов**, считавшимися прародителями греков. Они переселились сюда из самого сердца Центральной Греции – **Арголиды** и **Аркадии** во время так называемой Первой миграционной волны (III–II тыс. до н. э.). Другие ветви пеласгических племён попали на острова Лемнос, Имброс, Самофракий, Крит, на берега Геллеспонта и Южной Италии, засеяв в этих местах семена эллинской нации. От легендарных пеласгов древние греки научились возводить крепости из огромных камней, возделывать землю и получать урожаи сельскохозяйственных культур, быть искусными в ремеслах.

На севере Македонии находились древнейшие области **Одомантика**, **Денфелетика** и **Медика** с главным городом **Ямфорина**. Отсюда открывался вид на Пангей, где в местных горах во множестве водились дикие звери, имелись львы – вожаки охотничьих забав македонских царей. И наконец, со стороны **Ахайи** приграничной полосой высился горный хребет **Сколлий**, служащий продолжением горного кряжа с Пелопоннеса – **Эриманфа**.

Большая часть Македонии покрыта горами, что означает недостаток удобных пахотных земель. Но для македонян это обстоятельство обернулось неоспоримой выгодой перед остальной Грецией – на горах рос отличный строевой лес. Греки к тому времени свои леса уже порядком истребили и теперь были вынуждены закупать его у македонского царя. Иначе как обустроить свои города, создать морской флот? За деловую древесину покупатели платили не торгуясь! Филипп это понимал и помимо неплохого дохода в казну использовал сей аргумент в качестве предмета давления на заносчивые Афины.

* * *

Однажды советник Хабрий появился перед царём Филиппом, когда тот знакомился с донесениями тайных агентов о положении дел в греческих городах за Стримоном. Филипп продумывал планы будущих военных экспедиций, искал надёжные пути прохода войск. Советник положил на стол пожелтевший свиток.

– Что это? – раздражённо спросил Филипп – он не любил, когда ему мешали, кто бы это ни был.

– *Картис*, – ответил Хабрий, загадочно улыбаясь, показывая всем видом, что принёс нечто необыкновенное. – Это изображение земного пространства, *Ойкумены*, с границами обитаемого мира. Есть здесь и Македония, какой она представлялась много лет назад, соотносительно с размерами других стран.

Отбросив донесения в сторону, Филипп с интересом развернул папирус, внимательно просмотрел рисунки.

– Откуда это у тебя?

– Картис обнаружил хранитель царской библиотеки в Эги, где издавна содержатся государственные записи-*хроники*. Парису не меньше ста лет. Я сразу понял, что он тебе пригодится.

– Покажи, где Македония.

– Вот она, здесь. – Хабрий направил свой длинный палец на небольшое пятно бурого цвета. – Только сегодня Македония выглядит меньше, чем она изображена здесь. Причины ты знаешь лучше меня, царь.

Старинный картис порастил Филиппа, прежде всего возможностью окинуть взглядом земные пространства, которые конный не переедет и корабль не переплывёт даже за месяц. Глядя на изображения гор, морей и равнин, он вдруг представил себя правителем этих земных владений, населённых неизвестными народами, мирными и враждебными...

– Ты порадовал меня своей находкой, Хабрий. – Царь наконец оторвался от папируса. – С таким картисом войско не заблудится в чужих землях. – Филипп посмотрел на Хабрия. – Ты прав, мне понадобится этот картис, и ещё другие, которые изображают Македонию, Грецию и остальной мир людей, как они есть на самом деле, сегодня. Ты сможешь найти мне папирусы, какие я хочу?

– У меня на примете есть несколько греков, которые занимаются этим ремеслом. Я слышал, что более ста лет назад по приказу персидского царя Дария именно грек впервые изготовил картис с границами Персидского царства. Будет и у тебя подобный картис.

* * *

Хабрий, чтобы не мешать царю, удалился. Филипп, возбуждённый увиденным на диковинном картисе, остался наедине со своими мыслями. Он всегда говорил или думал о Македонии, как о стране с необычным бытом и традициями. Македония для него являлась частью Греции, но лишь географической, так как аттические греки, придерживаясь естественного характера и географических ориентиров, упорно отделяли македонян от себя. В чём-то они были правы: македоняне, как и другие жители Балкан, пребывали в настроениях честолюбивых и даже заносчивых, и чувство национальной гордыни у них нередко превышало допустимые пределы. Их задиристость и мстительность, перерастая временами во враждебность по отношению к другим народам, не позволяли грекам доверять македонянам, как прочим эллинам, устанавливая с ними добрососедские отношения. Но македонские женщины чувствовали себя совсем не так, как у остальных греков – в правах они были наравне с мужчинами. Мать

и жена в македонской семье играли лидирующую роль. И в этом имелось разительное отличие македонян от греков!

Но всё-таки объединяющие македонян с эллинами национальные черты имелись, особенно если речь шла о жителях равнин. Тем более что у македонян не было своей письменности; они переняли греческий упрощённый народный язык, общепринятый повсеместно, как и литературный язык, и назывался он **койне**. В македонском языке слышатся формы *эолийского* наречия и слова, составляющие общее достояние греков и италиков, узнаются остатки многих греческих корней. Были и другие общности, например, македонская область Эмафия благодаря близости моря, климатом и растительностью скорее принадлежала к природе Эллады. К тому же была проникнута греческой образованностью. Но Верхняя Македония продолжала находиться чуть ли не во мраке первобытного состояния, тяготея к Хемусу (Балканам) с дикими нравами северных народов, чем искусственно отчуждалась от Эллады.

Поэтому вопрос, к кому или к чему тяготела Македония – к Северу или Югу – волновал многих македонских царей. Теперь пришла пора беспокоиться новому царю Филиппу. Он думал: если воспринимать Македонию как неотъемлемую часть Греции, Эллады, нужно стремиться породниться с греческими городами; если македоняне для греков навсегда останутся «варварами», с ними нужно поступать «по-варварски» – завоевывать и разорять.

Филипп неплохо знал историю своей страны, древние корни царских родов, безусловно, идущие из Греции. Он не имел права сердиться на греков за упорство не воспринимать Македонию, как того хотелось её царям. То, что македоняне – отчасти варвары, виноваты соседи, *иллирийцы*, – народ необузданный и дикий. За многовековую историю они щедро разбавили в македонянах греческую кровь. Разве это греки перед сражениями приносили собственных детей в жертву богам? Иллирийцы! Греки украшали татуировкой тела воинов для устрашения врага? Иллирийцы! А одежда, стрижка волос и нравы многих македонян разве не происходят от варварских обычаев? Чего обижаться на Грецию!

У македонян нет особой древней культуры, наук, как нет мудрецов, поэтов, зодчих. Имелись только попытки использовать чужое, и то не всегда удачно! Нет, есть за что грекам презирать македонян, как делают они в отношении остальных варварских народов, пригодных лишь для рабства. Хотя афиняне говорят, что из Македонии нельзя достать ничего, даже хорошего раба! Потому что македонянин лучше примет смерть, чем станет рабом!

Гераклиды в Македонии

В архивных документах дворцовой библиотеки советник Хабрий обнаружил древние записи, проливающие свет на историю происхождения названия страны – **Македония**. Открытием поделился с Филиппом, который ревностно относился ко всему, что относилось к Македонии и родословной царской семьи...

В незапамятные времена из-за горных хребтов Хемуса, с севера, в эти места пришло иллирийское племя под предводительством мудрого вождя **Македона**. Бросить родные места их заставили кочевые племена, бесцеремонно вытеснившие их с исконных земель. Тогда иллирийцы нашли свободную от аборигенов территорию от Пинда до Галиакмона с плодородными почвами, где возвели несколько укрепленных поселений и главную крепость **Эдессу** («Богатая водой»).

Во всей новообретенной второй родине не было места лучшего, чем Эдесса: пенные *водены* (водопады) шумно проливались по отвесным скалам, вокруг величественные горы – естественная защита от врагов. За широким заливом виднелись горы Халкидики, а в зелёной долине встречались все главные реки местности. Поэтому Эдесса стал служить воротами горной области, её ключом и надёжной крепостью, стражем благодатной для сельского хозяйства равнины. А цари устроили в ней свою резиденцию. Новую страну называли по имени вождя Македона, а жителей с тех пор именовали македонянами.

Но представители иллирийских племён, как бы знатны и древни ни были их корни, настоящими царями македонян, с полной властью над всей территорией, никогда не были. Македонские цари вели родословную от божественного **Аргуса**, сына Зевса и Ниобы, одной из дочерей пелопонесского царя Форонея. Этот Аргус, унаследовав престол от Форонея, объединил разрозненные города в Аргосское царство – Арголиду. После Аргуса правили его потомки, последний из которых носил имя **Фидон**. Во время его царствования на Пелопоннес пришли мигрирующие племена воинствующих *дорян*, противостоять которым мирные пелопоннесцы не могли. По соседству с Арголидой доряне создали военизированное государство Спарта, жители которого, кроме войны и грабежей, ничего не желали знать. Для царя Фидона сложились трагические обстоятельства: он потерял престол, после чего ему пришлось бежать с семьёй в дружественную Аркадию (совр. Ибрагим-Эффенди и Пиали). За ним тронулись в путь многие аргосские семьи.

Вместе с Фидоном отбыл его младший брат **Каран**. Он не задержался в Аркадии, а с отрядом молодых воинов добрался до Македонии. Легенда гласит, что оракул велел ему «остановиться там, где увидят стадо белорогих коз». Так аргивяне дошли до Эдессы, где увидели пасущихся белорогих коз. Пользуясь внезапностью, воины Карана заняли город, объявив его жителям, что теперь они подчиняются новому царю – Карану. В память об этом событии Эдесса была переименована в **Эги** («Козий город»). Собственным нравственным и физическим превосходством Каран доказал жителям этого сурового края, что он достоин быть их царём. При нём в области Орестиды появился новый город, названный пришельцами Аргосом Македонским – в память об Аргосе на Пелопоннесе. Это случилось за пятьсот лет до царствования Филиппа. Такова легендарная история прародителей всех македонских царей, которые носили теперь гордое имя **Аргеадов**.

* * *

Историю царя Карана македоняне передавали из уст в уста, она утверждалась в сознании потомков и постепенно становилась достоверностью. Многие отцы называли сыновей его именем. На знамени македонского войска появилось изображение бодливого козла, последующие

цари украшали свои шлемы крутыми рогами горных козлов (Александр Великий, по отцу, был тоже из рода Аргеадов, он носил «рогатый» шлем). Но главное состояло в том, что супруга аргосского царя Амфитриона, Алкмена, родила Геракла от Зевса, македонские цари хранили в родовых записях сведения, что они потомки Геракла, то есть **Гераклиды!**

После Карана каждый царь стремился расширить границы Македонии за счёт захвата чужих территорий, встречая неприятие и сопротивление соседних племён. Но в условиях усиливающейся вражды и соперничества между удельными македонскими князьями без крепкой централизованной власти становилось всё труднее сохранять целостность государства. В этом смысле **Пердикка I**, дальний предок Филиппа, силой, угрозами или договорами с удельными правителями сумел подчинить престолу все княжества, став таким образом царём объединенного Македонского царства (VII в. до н. э.).

АМИНТА I (VI в. до н. э.), пятый македонский царь, отнял у фракийцев области Пиерию и Боттию, на которых проживали выходцы с легендарного Крита, изгнав коренных жителей в Халкидику. Затем захватил приморскую область Мигдонию, где македоняне заняли плодородные поля и охотничьи угодья бывших хозяев. За Мигдонией последовала очередь Алмонии. Аминта заселял захваченные земли не только переселенцами из Македонии; в устремлении казаться эллином по крови, царь активно приглашал беженцев из греческих городов. Его политика достойно продолжалась сыном Александром.

АЛЕКСАНДР I был смел и дерзок в поступках. В юности с ним произошла захватывающая история, которую поведал Геродот. Однажды к царю Аминте с требованием унижительной дани прибыли послы персидского царя Дария I Гистаспа, семь знатных персов. В то время Персия покровительствовала македонским царям, имея собственные выгоды на греческой земле. Царь Аминта организовал для послов торжественный приём с застольем, на котором, по македонскому обычаю, присутствовали придворные советники с жёнами. На пиру находился и юный Александр, наследник македонского престола. Персы пили без удержу, опьянев, начали приставать к женщинам, воспринимая их присутствие по-своему. Мужья тех женщин не знали, как поступить, сгорая от стыда и унижения, но нарушить законы македонского гостеприимства, да ещё с официальными посланцами могущественного царя персов, не решились. Тогда Александр тихо сказал царю:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.